

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ И ТИП ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

В.А. АНИКИН,

кандидат экономических наук,
доцент факультета экономики,

Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики,
научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва,
e-mail: Vasilij.Anikin@Gmail.com

В статье доказывается, что профессиональная структура населения может выступать индикатором этапа экономического развития, на котором находится страна. Показано, что современный тип хозяйственной системы промышленно развитых стран описывается фазой постиндустриального развития, которая характеризуется двумя главными показателями трудового потенциала: пропорциями в профессиональной структуре (преобладание профессиональных менеджеров и технических экспертов); характером труда, глубиной разделения труда по специализации и квалификации (высококвалифицированный труд при широкой специализации). Анализ статистики занятости в США и странах Западной Европы за последние 100–150 лет позволил определить пять основных стадий экономического развития и обозначить их ключевые особенности в соответствии с выделенными показателями.

Ключевые слова: профессиональная структура населения; экономическое развитие; постиндустриальное развитие; показатели трудового потенциала.

PROFESSIONAL STRUCTURE OF POPULATION AND A MODE OF THE NATION'S ECONOMIC DEVELOPMENT

V.A. ANIKIN,

Candidate of economic sciences (PhD), Assistant Professor of the
Economic Faculty, National Research University Higher School of Economics,
Staff scientist of the Institute of Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: Vasilij.Anikin@Gmail.com

The article under consideration deals with the thesis that occupational structure of the population can be regarded as the indicator of the nation's stage of economic development. The author reveals that in advanced economies the modern type of economic system could be referred to the post-industrial stage, considering: a) specific proportions in the occupational structure (prevalence of professional managers and technical experts); b) labor patterns and the extent of labor division according to specialization and qualification (highly skilled labor combined with broad specialization, and a new criterion of creativity included in qualifications). Analysis of employment statistics in USA and Western Europe over the last 100–150 years has resulted in defining of five main stages of economic development and describing their key features under the two criteria.

Keywords: professional structure of population; economic development; post-industrial stage; indicators of labor potential.

JEL classification: J21; O14; P20.

Введение

Успешная модернизация требует понимания того, на каком этапе экономического развития находится страна. Одним из существенных индикаторов, позволяющих это оценить, является специфика трудового потенциала населения (*Fairbairn, 1967*), сложившаяся в обществе на данный момент времени. Во многом этот потенциал задается профессиональной структурой, эволюция которой в любой стране является актуальным предметом для анализа, особенно, если речь идет о странах, перед которыми стоит задача модернизации или качественного социально-экономического скачка. Цель данной работы, носящая преимущественно теоретико-методологический характер, состоит прежде всего в том, чтобы поставить вопрос о связи двух феноменов – профессиональной структуры населения и типа экономического развития, на котором находится страна.

Мотивацией для подобного вопроса является периферийное положение темы о роли профессиональной структуры населения в процессе модернизации и обеспечения долгосрочного социально-экономического развития. Необходимость рационального управления профессиональной структурой также практически не обсуждается в рамках общественно-политического дискурса. По крайней мере такова ситуация в современной России. Другими словами, в отечественных социально-экономических исследованиях профессиональная структура не рассматривается как независимый предмет анализа, а на уровне государственного управления не является объектом долгосрочной политики. Все это обуславливает актуальность поднимаемого вопроса.

Трудовой потенциал в эпоху постиндустриального развития экономики

Описание условий, в которых протекает сегодня эволюция профессиональной структуры населения, должно характеризоваться прежде всего анализом роли знаний в современном мире. С 1970-х гг. многие исследователи заостряют внимание на особой роли квалификации в определении социально-экономического развития общества (*Bell, 1973; Castells, 1998; Powell and Snellman, 2004; и др.*). Когда речь идет о международных исследованиях глобальной экономики, это отражается в устойчивой практике использования критерия «степени квалифицированности» в классификации отраслей экономик развитых стран.

Так, в публичном отчете, выпущенном Международным Валютным Фондом еще до финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. под названием «Внешние эффекты и циклы в глобальной экономике» (*World economic outlook, 2007*), к классу отраслей, предполагающих высококвалифицированный труд, отнесены топливная, химическая, резиновая промышленность, машиностроение и производство оборудования, бизнес-консалтинг, сфера социальных и индивидуальных услуг. К числу отраслей, предполагающих труд низкой квалификации, авторы доклада отнесли сельское хозяйство, горнодобывающую промышленность, производство пищи и табачных изделий, текстильную промышленность, производство одежды и изделий из кожи, лесную промышленность и производство других продуктов не из металла, металлургию и строительство (см. подробно (*World economic outlook, 2007. P. 182*)).

Несмотря на всю спорность такой классификации, она позволяет зафиксировать основные тенденции, которые наблюдались в развитых странах с 1980-х гг., а именно – неуклонный рост занятых в отраслях, предполагающих использование труда высокой квалификации (на 45% с 1980 по 2000 гг.), а также рост в структуре ВВП доли оплаты труда занятых в этих отраслях (с 30 до 35%)¹. Ниже мы покажем, что начиная с конца 70-х гг. XX в. доля работников высокой квалификации в структуре занятого населения расширяется по мере развития и освоения экономикой промышленно развитых стран новых технологий (с конца 1980-х гг. главным образом – информационных). Однако это продемонстрировано в профессиональном разрезе, а не в отраслевом. И прежде всего по следующей причине. Во-первых, с методологической стороны в основе отмеченной выше классификации лежит предположение об однородности труда в рамках отраслей (по своему содержанию и характеру); во-вторых, со стороны концептуальной – при таком делении отраслей неявно постулируется позднеиндустриальный характер экономического развития рассмотренных в докладе стран. Вместе с тем оба эти соображения подвергаются сегодня критике.

Например, известный ученый Дэниел Белл, анализируя экономики и общественные отношения промышленно развитых стран, приходит к выводу, что настоящее и ближайшее будущее развитие западного, преимущественно американского, общества уже не объясняется и не прогнозируется моделью позднеиндустриального развития, для которой характерна высокая доля социальных

¹ На материале следующих стран: Австрии, Бельгии, Канады, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Италии, Японии, Норвегии, Португалии, Швеции, Великобритании, Соединенных Штатов Америки. Статистика базы данных выпуска Всемирного экономического обозрения за 2007 г. (см. подробно: (*World economic outlook, 2007. P. 182*)).

услуг и продукции перерабатывающей промышленности в структуре ВВП. Это связано с тем, что со временем из сферы услуг происходит выделение спектра интеллектуальных услуг и развитие информационных технологий, освоение которых потребовало создания нового типа рабочих мест и привело к заметной дифференциации некогда однородного слоя работников нефизического труда на высококвалифицированную и так называемую «родовую» рабочую силу.

Чтобы описать новый феномен, Д. Белл вводит понятие постиндустриального общества (*Bell, 1973*)². Рыночная, переговорная сила в подобном обществе основывается на конкурентоспособных знаниях и компетенциях – главного актива экономики, основанной на знаниях (англ. 'knowledge-based economy' (*Burton-James, 1999; Machlup, 1962; OECD, 2000; Perry, Denison and Solow, 1971*)), – и творческом потенциале³, в котором ключевыми детерминантами социально-экономического развития выступают уже не столько сами производственные отношения⁴, сколько место в системе общественного разделения труда, сопряженное прежде всего с профессиями, представленными учеными, инженерами и работниками культуры, искусства.

Именно наблюдение за изменениями профессиональной структуры американского общества в XIX–XX вв. (1848–1960 гг.), вызванных, по мнению Д. Белла (опиравшегося на вышеуказанную работу Фритца Мэчлапа при анализе этой динамики), увеличением роли знания и информации, позволили ему сделать прогнозы о том, какие тенденции в этой сфере можно будет наблюдать в будущем. Примечательно, что значимость профессиональной структуры занятого населения в качестве предмета исследования даже при более масштабных целях – например, при оценке потенциала общественного развития – до сих пор имеет под собой не только теоретические, но и практические основания. Так, в последнем издании книги Дениса Гилберта «Классовая структура Америки в эпоху возрастающего неравенства» (англ. 'The American Class Structure in an Age of Growing Inequality') на основе методологии и методов⁵, разработанных американскими исследователями Питером Блау и Отисом Дунканом (*Blau, 1977; Blau, Duncan and Tyree, 1967*), показано, каким образом и в какой степени изменения в профессиональной структуре американского общества определяют неравенство и социальную мобильность в США (*Gilbert, 2010. P. 153*).

Какова же природа профессиональной структуры как самостоятельного феномена – социальная или экономическая? Есть авторы, которые разводят «экономическое» и «профессиональное» (в рамках смысла, который вытекает из английского слова 'occupational') понимание информационного общества, тем самым относя «профессиональное» к области «социального». Франк Уэбстер (*Webster, 2006*) выделяет пять концепций информационного общества – технологическую концепцию (*Ess and Sudweeks, 2001; Krug, 2005; Naisbitt, 1994; Toffler, 1990*), экономическую (*Machlup, 1962; Porat, 1977*), профессиональную (*Bell, 1973; Castells, 1996; Castells, 1997; Castells, 1998; Gouldner, 1978; Kumar, 1978; Leadbeater, 1999; Perkin, 1990; Reich, 1999*), пространственную (*Castells, 1996; Jenkins, 2006; Urry, 2000; Wellman and Haythornthwait, 2002*), культурную (*Castells, 2004; McLuhan, 1962; McLuhan, 2002; Poster, 1990; и др.*), хотя сами авторы отмечают, что эти концепции не вполне исключают одна другую. Более того, даже технологическое понимание информационного общества у некоторых озвученных авторов воспринимается как часть социального.

Понимание информационного общества через занятие предполагает, что возникают и начинают доминировать новые типы производственной деятельности, требующие от человека активизации тех свойств его личности, которые были практически не востребованными в эпоху ранне- и даже позднеиндустриального развития⁶. Для поддержания и развития навыков и сторон личности, необходимых

² Д. Белл называет постиндустриальное общество информационным обществом в той мере, в какой индустриальное общество является обществом товаропроизводящим (*Bell, 1973. P. 467*). При этом термин «постиндустриальное общество» является не единственным, которым пользуются ученые для описания того, что происходит с экономикой и социальной сферой в современном мире. В литературе можно встретить понятия «программируемое общество» (*Touraine, 1971*), «общество услуг» (*Fuchs, 1968; Singelmann, 1978*), и даже такие метафоры как «невесомое общество» (*Leadbeater, 2000*) и проч.

³ Стоит отметить, что в последние 20 лет широкое распространение приобрела концепция т.н. креативного класса (класса творческих работников) как самостоятельного субъекта социально-экономической жизни современного общества.

⁴ Производственные (или производственно-экономические) отношения могут рассматриваться как самостоятельный фактор социально-экономического развития, например, в логике неомарксистского анализа, в рамках которой они выводятся из отношений собственности на средства производства.

⁵ Питер Блау и Отис Дункан были одними из первых, кто применил методологию анализа, при которой становится возможным оценить, как изменится прямое влияние одной переменной на другую (скажем, А на Б) при включении в анализ третьей «опосредующей» переменной (т.е. проследить влияние А на Б через В). Это один из немногих случаев в практике анализа данных, когда между методологией и эмпирической оценкой существует взаимно-однозначное соответствие, обозначаемое в англоязычной литературе как «анализ пути» (англ. 'path analysis').

⁶ По мнению Чарльза Лидбитера, автора книги «Как жить в тонком воздухе» (англ. 'Living on Thin Air'), чтобы стать успешным в «невесомой экономике» (англ. 'weightless economy'), необходимо «быть сообразительным и умным», «изобретательным» и иметь возможность развивать и поддерживать сети (*Leadbeater, 1999*).

для выполнения новых типов работы требуется создание соответствующей системы отношений и рабочих мест. И в этом смысле профессиональный срез изучения трудового потенциала работающей части народонаселения должен рассматриваться как часть «социального» в обществе. Вместе с тем, система рабочих мест, которая заполняется работниками определенного качества, связывает род деятельности с экономической сферой жизни общества. Поэтому профессиональная структура населения рассматривается в настоящей работе как социально-экономический феномен.

Д. Бэлл пишет об информационном обществе, как об обществе, в котором преобладающая часть занятых связана с «информационной работой» (*Bell, 1973. P. 183*). Профессиональная структура рабочей силы трансформируется в сторону резкого увеличения профессионалов и технического персонала (*Kumar, 1978. Pp. 185–240; Porat, 1977*). По мере замещения традиционных рабочих мест, создаваемых для удовлетворения нужд физического производства и простых услуг, в условиях появления новых типов работы в качестве сырья начинает выступать информация, а не предметы (*Unwin, 1904*). Идеи, знания, навыки, талант и «креативность» (*Regini, 2010*) начинают играть ведущую роль в цепочке формирования добавленной стоимости и становятся основным фактором роста благосостояния и личного успеха. Последний обретает системный характер, когда движение экономики начинает обеспечиваться группой профессий и занятий, представители которых умеют работать с информацией, её создавать, систематизировать и распространять.

Рассматривая страны Западной Европы, США, Японии, многие исследователи оставляют ведущую роль в экономике за типом работника, отличающегося особым содержанием труда, форма которого, с одной стороны, различна, что нашло отражение в неустойчивости терминологии для названия этих работников – «информациональный работник» (*Castells, 2004*), «эксперт по знаниям», «символический аналитик», – а с другой стороны, форма постоянная, и заключается прежде всего в умении создавать и использовать информацию. На первый взгляд, практическая основа рассуждений, подробно озвученных Мануэлем Кастельсом, кажется убедительной, особенно на фоне падения рабочего движения и влияния профсоюзных организаций, наблюдаемого в Соединенных Штатах с конца 1960-х гг. (*The Economist, 2007a*) и связанного с ростом числа занятых в сфере нефизического труда и с нарастающим противоречием между белыми и синими воротничками, которое в кризис 2008–2010 гг. только усилилось.

Хотя стоит помнить, слабость профсоюзов может свидетельствовать о том, что капитал сегодня не утратил своей значимости, и существуют исследования, демонстрирующие, что высококвалифицированные профессионалы выступают сегодня как слой, обслуживающий капиталистов⁷ (*World economic outlook, 2007; World economic outlook, 2009*). Согласно этим данным, новый социально-экономический порядок, устанавливающийся в условиях глобализации, оказывается в действительности выгодным лишь капиталистам (получающим ренту на физический капитал за счет непропорционального присвоения прибавочного продукта, создаваемого другими работниками), оставляя позади не только традиционных рабочих, но также работников нефизического труда (*The Economist, 2007b*).

В отчете Международного Валютного фонда по состоянию мировой экономики 2007 г. (*World economic outlook, 2007*) анализируется, каким образом торговля, технология и миграция буквально «сшили» между собой мировые рынки труда, так что работники богатых стран не чувствуют себя в уверенности на отечественных рынках труда, находясь под давлением конкуренции со стороны рабочей силы других стран. Глобальное предложение труда выросло в 4 раза с 1980-х гг., когда были открыты экономики Китая, Индии, а также ряда некоторых коммунистических стран. Разумеется, большинство из этих работников имеют образование не выше уровня средней школы. Однако технологические изменения и интеграционные процессы, произошедшие за последние 30 лет, позволяют сегодня говорить о новом типе конкуренции – уже между квалифицированными работниками. Основной тезис цитируемого доклада заключается в том, что и технологические изменения, и глобализация рынков труда снижают долю оплаты труда в ВВП во всех промышленно развитых странах, хотя и со своими различиями для каждой группы стран: для Европы и Японии наибольший

⁷ Эта черта жизни экономик развитых стран хорошо проявилась во время финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., когда представители простых форм труда в массовом порядке подверглись сокращениям, а квалифицированная рабочая сила – перегрузкам, за счет расширения выполняемых функций и количества часов работы. До кризиса также можно было наблюдать проявления отношений эксплуатации на рабочем месте в отношении работников умственного труда, работающих, например, в компаниях, которые специализируются на оказании интеллектуальных услуг в сферах финансового, управленческого консалтинга, построения бренда, маркетинговой стратегии и проч. Часто это выражалось в скрытых формах, например, в монополизации личного времени работников, присвоении их авторских прав, введении обязательной практики обучения менее опытных сотрудников. Все это обеспечивалось и поддерживается сегодня за счет формирования у работника сильных ожиданий внутрифирменного продвижения. Подтверждение этому можно найти не только в научной литературе, посвященной этой проблеме, но также в личных электронных дневниках таких профессионалов.

эффект имеют технологические изменения; для англосаксонских и малых европейских стран – глобализация труда.

К похожим выводам приходят и социальные теоретики. Так, всемирно известный социолог Дж. Голдторп, как и Э. Соренсен, говорит о проблеме нарастания масштабов практики, когда работодатели, всё больше ощущающие давление глобальной конкуренции и находясь в условиях непредсказуемых колебаний фондовых рынков, вынуждены снижать или полностью элиминировать трудовые ренты (англ. 'employment rents')⁸. И работодатели пытаются это делать не столько посредством ослабления организованного труда или ограничения государственной интервенции на рынке труда, сколько путём избегания типов трудовых соглашений, подразумевающих подобные ренты (Goldthorpe, 2000. P. 1580), т. е. посредством перехода на так называемые «спотовые» контракты (англ. 'spot contracts') (Goldthorpe, 2002. P. 1580; Sorensen, 2000. P. 1554)⁹.

Более радикальную точку зрения отстаивают сторонники марксистских взглядов, однако – с несколько иными акцентами. Если в упоминавшемся выше отчете (*World economic outlook, 2007*) основная опасность для квалифицированной рабочей силы развитых стран воспринимается как идущая со стороны глобализации и технологического прогресса в области транспорта и коммуникаций, то неомарксисты видят угрозу в крупных бюрократических организациях, в которых специалисты становятся рабочими, подвергаясь деквалификации, – отсюда их тезис о пролетаризации профессионалов в современных капиталистических обществах. Однако такие радикальные взгляды не нашли широкой поддержки. Так, Р. Мёрфи (Murphy, 1990), вступая в полемику с марксистскими теоретиками (например, с М. Ларсон¹⁰) относительно изменения природы профессий в современном капитализме, опровергает тезис о разрушении профессиональной монополии, имея в виду высококвалифицированную рабочую силу.

Так или иначе, тенденция ясна. Хотя господствующее положение сохраняется за собственниками традиционных видов капитала, всё чаще ключевую роль в распределении ресурсов среди наемных работников начинает играть знание как специфический актив. Об этом говорит зафиксированный экономистами в конце 1990-х гг. и плавно увеличивающийся с 1979 г. разрыв в оплате высококвалифицированного и неквалифицированного труда в развитых странах, преимущественно в США. По мнению автора монографии «Исследование глобализации и условий занятости» (англ. 'Globalization and Employment Conditions Study') Д. Брауна (Brown, 1924), в США с 1979 по 1995 гг. реальная заработная плата работников, которые не окончили средней школы, упала более чем на 20 процентных пунктов. В то же время, реальная зарплата выпускников школ, не имеющих высшего и среднего специального образования, сократилась менее чем на 14%, а работников с 16 годами обучения и более, наоборот, даже выросла на 3,4%. Автор отмечает, что с того момента, когда экономисты зафиксировали этот разрыв в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда, началась дискуссия о том, какие факторы оказывают решающее воздействие на его увеличение¹¹.

Наблюдаемая в США вилка доходов квалифицированных и неквалифицированных работников косвенно подтверждает обоснованность утвердившегося в западной литературе взгляда, согласно которому решающим фактором в распределении общественного продукта и, соответственно, определения структурных особенностей трудового потенциала населения, является профессиональный статус занятости, связанный с характеристиками выполняемой человеком работы и его положением на рынке труда. В теоретическом плане эта идея не нова – она являет собой логическое продолжение определённого круга традиций анализа природы социально-экономического развития в общественной мысли. Эти традиции основываются главным образом на материале промышленно развитых стран. Вместе с тем, неоднородность социально-экономических и политических процессов, которые происходили в Европе в связи с массовым высвобождением рабочей силы и свободным наймом, пришедшим в XVIII–XIX вв. на смену институциональному и наследственному закреплению рода деятельности, послужила благодатной почвой для образования разнообразных, подчас противоположных, взглядов в объяснении природы неравномерного развития обществ и хозяйственных систем.

Постепенно по мере повышения роли информации и знания в производстве добавленной стоимости, расширении роли высоких технологий и росте мобильности рабочей силы и капитала, традиционные структуры найма и организационных и личных инвестиций обречены либо на системную

⁸ См. также работу Стефана Моргана и его коллег (Morgan and McKerrow, 2004).

⁹ Как показано ниже, тип контракта для Голдторпа является одним из ключевых критериев определения места работника в профессиональной иерархии.

¹⁰ Имеется в виду работа Магали Ларсон (Larson, 1977). См. также работу: (Standing, 2011).

¹¹ Различными авторами в качестве объясняющих переменных рассматриваются: международная торговля (особенно в результате открытия рынков развивающихся стран), технологический прогресс, либерализация торговли (стимулирующая фирмы-импортёры к конкуренции), экспорт сам по себе. Более подробный обзор моделей представлен в (Brown, 2007. Pp. 18–24).

трансформацию (нередко предполагающую железную политическую волю и наличие традиций, способствующих изменениям), либо на постепенное разложение (сопровождающееся импортом институтов). Первый путь адаптации к изменяющимся производительным силам и внешней конъюнктуре во многом был характерен для промышленно развитых стран – Англии (реформы традиционных отраслей промышленности при М. Тэтчер), Германии (социальное рыночное хозяйство Р. Эрхарда), Японии (политика Министерства торговли и промышленности), США (реформы образования 1930-х гг. и т. д.). По второму пути пошли страны, образуя, пользуясь терминологией Валлерстайна, прото-ядро (например, страны БРИК), ближнюю и дальнюю периферию глобальной мир-системы.

Выбранный путь, который во многом отражает преобладающий характер общественных отношений, приводит население прежде всего к формированию определенной профессиональной структуры и соответствующей системы компетенций (*Chen Ta, 1947; Dunkerley, 1975; Häusermann, 2010; Hennock, 2007; Köhler and Zacher, 1982; Soskice, Estevez-Abe and Iversen, 2001*). В целях лучшего понимания характера и перспектив экономического развития страны, становится важным оценка качества трудового потенциала человеческих ресурсов в части предлагаемых рабочей силой знаний и навыков. При этом в политических дискуссиях в развивающихся странах нередко высказывается мнение, что проблема, связанная с ограничением экономического развития, сосредоточена по большей части в недостаточном качестве рабочей силы, т. е. больше в области предложения труда, чем в спросе на него.

Вместе с тем авторы докризисного «Доклада о росте. Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития» (*Доклад о росте, 2009*)¹², инициированного в 2008 г. Комиссией по росту и развитию, председателем которой был лауреат Нобелевской премии по экономике, почетный профессор Стэнфордского университета США Майкл Спенс, предупреждают лишь о теоретической корректности данной позиции: действительно, если работник будет иметь хорошее образование и функциональную подготовку, он будет оправдывать издержки его найма даже в случае полного пакета льгот и выплат, принятых в формальном секторе (*Доклад о росте, 2009. С. 47*). Однако крайне дорого и практически невозможно заниматься повышением квалификации еще до найма, так как большая часть специфических компетенций формируется на рабочем месте. Отсюда возникает понимание, которое во многом демонстрируют авторы Доклада, касательно того, что создание рабочих мест должно происходить в рамках экспортоориентированных производств, а также сопровождаться более простыми условиями найма (*Доклад о росте, 2009. С. 48*), особенно в отношении, пользуясь терминологией М. Кастельса, «родовой рабочей силы».

Включение населения в производства, которые требуют от работников постоянного обновления своего человеческого капитала, при наличии определенных усвоенных в процессе образования традиций и навыков работы, может способствовать росту качества рабочей силы (*Oesch and Rodriguez, 2011; Perales, 2010; World economic outlook, 2007; Wyatt and Hecker, 2006*). В противном случае локализация рабочей силы во вторичном секторе занятости, усиленная территориальной и отраслевой спецификой национальных рынков труда, приведет лишь к усилению деградации трудового потенциала имеющихся человеческих ресурсов, что понизит шансы конкретного общества на успешную интеграцию в глобальную экономику, выработку и освоение конкурентоспособных ценностей.

Именно создание таких ценностей позволяет получать субъектам этого процесса ренту. Не вдаваясь в подробный анализ видов рент и специфики рентиориентированного поведения фирм и индивидов, все же стоит отметить, что в современной экономике главные ренты связаны не только (а в большей части случаев даже не столько) с объемом специфических активов, традиционных для раннеиндустриальной стадии развития экономики (физический капитал, собственность, в том числе на средства производства), сколько с ролью активов, ставших специфическими в условиях поздней индустриализации экономик, прежде всего – высокой квалификации и, о чем говорилось выше, и культуры, позволяющей поддерживать и наращивать квалификационный ресурс. И несмотря на то, что многие квалифицированные специалисты пока не в силах конкурировать с капиталом за традиционные ренты, все же наличие уникальных знаний и навыков у некоторых из них позволяет достигать той роли в экономике, в рамках которой становится возможна трансформация квалификации и опыта в физический капитал¹³.

¹² Доклад Комиссии по росту и развитию «Доклад о росте. Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития», опубликованный в 2009 г. в издательстве «Весь мир», является переводом англоязычной версии доклада, опубликованного в 2008 году, - англ. 'The Growth Report. Strategies for sustainable growth and inclusive development' (под визой Всемирного Банка и Международного банка реконструкции и развития), над которым трудился целый коллектив авторов, признанных специалистами и практиков в своей области (Майкл Спенс, Роберт Солоу, Эрнесто Седильо, Данута Хюбнер и другие).

¹³ Подобную мотивацию демонстрируют многие работники с высоким уровнем человеческого капитала, причем как в России (в основном в сфере финансового и управленческого консалтинга), так и за рубежом (в областях с высокой географической концентрацией интеллектуальных ресурсов – «Силиконовая долина» или Район высокотехнологического производства в «Бостонской области» (Boston area)), декларируя это как компенсацию за потраченные усилия и время.

Другими словами, речь идет о возникновении новой модели, в рамках которой специалисты узкой группы (технократы и специалисты по функционированию рынков), которые аккумулируют баснословные заработки, используют последние, чтобы стать представителями нового типа профессионалов – или «венчурными капиталистами», как их называет Марк Грановеттер (*Granovetter, 2005. P. 46–47*). Фактически пока только эти (и подобные им) узкие группы работников способны конкурировать с капиталом, представленным индивидами, которые не имеют за плечами технического образования (см. подробно: *Saxenian, 1994. P. 64–65*). Грановеттер видит объяснение этому также в расширенных личностных сетях таких специалистов, которые позволяют им получить доступ к новым идеям на более глубоком экспертном уровне, чем традиционным банкирам. Полученные в университете знания и приобретенный опыт, выраженный в их высокой квалификации, позволяет специалистам такого плана занимать более деятельную позицию во время заседаний совета директоров и принимать на себя активные управленческие роли, поддерживая те значимые позиции, которые их организация занимает в структуре капитала зарождающихся бизнес-проектов (*Granovetter, 2005. P. 46*).

Однако несмотря на то, что данная модель не стала (и, видимо, никогда не станет) относительно массовой, национальные правительства занимают в сфере распространения и потребления «качественного» образования весьма активную позицию (прежде всего в силу того, что образование, как квазиобщественное благо, вызывает положительные социальные эффекты). Так, за последние 30 лет возросла роль инвестиций в дошкольное и школьное образование¹⁴. В качестве значимого компонента долгосрочного развития экономики исследователи и политики разных стран ставят вопрос о способности занятой части народонаселения и экономических агентов мезоуровня воспринимать существующее знание и придумывать новое (*Доклад о росте, 2009*).

В соответствии с этими запросами современной экономики к определенному типу рабочей силы формируется особая модель общественных отношений, при которой наиболее ресурсные позиции достаются людям, обладающим абстрактным знанием и способностью использовать это знание для решения практических задач¹⁵, причем эти процессы разворачиваются в более широких масштабах в отношении расширенного списка профессий, чем о тех, которые упоминает Грановеттер. Прежде всего речь идет о математиках, работающих не только на благо чистой науки, но также в реальном секторе. Согласно обобщениям американского публициста и исследователя Лея Крантца (*Les Krantz*), основанных на данных Бюро по трудовой статистике США, исследованиях профессиональных ассоциаций и собственных наблюдениях, именно математики и представители близких профессий (компьютерные инженеры, программисты) удостоились высшего места в рейтинге профессий США по итогам 2009 г.¹⁶ Недалеко от профессии математиков расположились социологи, биологи и экономисты.

Публикация этого рейтинга вызвала широкий резонанс в СМИ. Так, *The Wall Street Journal*, ссылаясь на данные интервью с типичными представителями этих профессий, отмечает не только их высокие заработки (более 90 тыс. долл. в год у математиков, более 60 тыс. долл. у социологов, более 40 тыс. долл. у биологов (*Krantz, 2010*)), а также крайне благоприятные условия и характер труда, атмосферу работы и широкие карьерные перспективы¹⁷. Важно, что высокие места в рейтинге занимают профессии высококвалифицированного умственного труда, с барьерами на вход в виде высокого образовательного ценза (магистерское образование и выше). Эта особенность рынков труда промышленно развитых стран находит отражение в изменениях показателей профес-

¹⁴ Опыт промышленно развитых стран показывает, что образованный человек дает обществу больше, чем получает от него в виде вознаграждения за имеющийся у него человеческий капитал. Хотя до сих пор проблема валидного измерения социальной отдачи от человеческого капитала остается не разрешенной, социоэкономический аргумент здесь видится вполне обоснованным – высшее образование предполагает усвоение определенной культуры, образцов поведения и скрытых навыков, которые в процессе производственной и личной жизни распространяются по сетям взаимодействия и между поколениями в виде положительной экстерналии от общения с образованным человеком.

¹⁵ Говоря в терминах теории человеческого капитала (*Becker, 1964; Schultz, 1963*), тот факт, что современная экономика предъявляет спрос на способность людей, обладающих сложным абстрактным знанием, использовать полученные знания для решения практических задач, может говорить о том, что затраты на общий и специфический человеческий капитал находятся в отношениях взаимодополняемости, а не взаимоисключения. Данные, полученные на базе Российского мониторинга экономического положения и здоровья (RLMS-HSE), демонстрируют, что накопление общего человеческого капитала в России активизирует накопление специфического человеческого капитала (например, см.: *Капелюшников, 2010. С. 24*).

¹⁶ При составлении рейтинга агрегировались данные по пяти критериям: условия работы (англ. 'environment'), доход, перспективы занятости (англ. 'employment outlook'), наблюдаемый спрос на представителей тех или иных специальностей (англ. 'physical demands') и стрессогенность условий работы (англ. 'stress').

¹⁷ Впрочем, наибольшим спросом среди жителей США пользуются как раз рабочие места, предполагающие труд средней и низкой квалификации, – простые позиции по уходу за здоровьем (медсестры и сиделки), в сфере торговли (продавцы), обслуживания (официанты). См. подробнее данные единого ресурса Федерального правительства США по рабочим местам [<http://www.usajobs.gov/mostpopularjobs/index.asp>].

сиональной статистики разных стран, например, в росте доли специалистов, занятых умственным трудом, о чем говорится ниже.

Профессиональная структура населения страны как индикатор экономических процессов

Установление свободного рынка труда, технологическое усложнение производства и миграция сельского населения в города за последние 150–180 лет до неузнаваемости изменили характер профессиональной структуры населения западных стран. Стоит подробно остановиться на этой динамике, особенно применительно к США. Выбор в пользу этой страны не случаен. Во-первых, индустриализация в США на первых этапах, как и в России, проходила под знаком импорта технологий из стран Западной Европы, в которых промышленная революция уже к началу XIX в. значительно перекроила производительные силы (*Downs, 2010*). Во-вторых, совпадение по времени значимых событий во внутренней политике США и России, без которых невозможно было бы развитие свободного рынка труда в обеих странах (в США – отмена рабства в 1865 г., в России – крепостного права в 1861 г.). Подробный анализ профессиональной статистики по США, а также по некоторым странам Западной Европы служит общей цели данной работы, в формальном отношении сводящейся к составлению общей схемы, из которой было бы видно соответствие различных моделей профессиональной структуры населения конкретному этапу индустриализации экономики.

Таблица 1

Динамика профессиональных классов в составе занятого населения США, 1880–1920 гг., %¹⁸

Занятия	1880 г.	1920 г.	Увеличение за 1880-1920 гг.
Все роды занятий	100	100	141
Работа в сельском, лесном хозяйстве, рыболовстве	49,4	27,2	34
Работа на заводе, добыча угля и работа на механических производствах	25,6	33,0	208
Торговля, транспорт и административная работа	12,2	24,8	389
Работа в качестве профессионала	3,5	5,2	252
Сфера обслуживания, персональная и на дому	9,3	9,9	156

Таблица 2

Динамика профессиональных классов в составе занятого населения США, 1910–1920 гг., %

Занятия	1910 г.	1920 г.	Увеличение за 1910-1920 гг.
Все роды занятий	100	100	109
Работа в сельском, лесном хозяйстве, животноводстве	33,2	26,3	87
Добыча полезных ископаемых	2,5	2,6	113
Работа на заводе и на механических производствах	27,8	30,8	121
Транспорт	6,9	7,4	116
Торговля	9,5	10,2	115
Государственная/гражданская служба	1,2	1,9	168
Профессионалы	4,4	5,2	127
Сфера обслуживания, персональная и на дому	8,2	9,9	90
Занятые административной работой (клерки)	4,6	7,5	180

На примере изменения долей специфических профессиональных групп в составе занятого населения США на рубеже XIX–XX вв. можно видеть, как по мере становления индустриального общества менялась структура занятого населения в стране, хотя и не знавшей сословных отно-

¹⁸ Данные в табл. 1 и 2 приведены по статье американских исследователей Оджбёрна и Тиббитса 1929 г. (*Ogburn and Tibbits, 1929. Pp. 1169–1180*). В первых двух колонках каждой таблицы указана относительная доля конкретного вида деятельности в профессиональной структуре американского общества. В третьем столбце отмечено процентное увеличение численности занятых, в том числе на конкретных позициях в экономике США за указанный период. Данные по численности занятых в экономике США за рассматриваемые периоды Оджбёрн и Тиббитс взяли из «Ежегодника по торговле», выпускаемого сегодня под эгидой Бюро внешней и внутренней торговли США (*Commerce Yearbook, 1928. P. 16*). В табл. 2 данные представлены по результатам более точной и аккуратной классификации занятий, применяемой при переписи населения США в 1910 и 1920 гг., чем объясняются некоторые расхождения с табл. 1 (*Handbook of Labor Statistics, 1924–1926. P. 147*).

шений, но пережившей рабовладение (см. табл. 1 и табл. 2). Динамика, представленная в табл. 1 и 2, показывает направления изменения американского общества на рубеже XIX–XX вв., периода индустриализации и роста средних слоев вследствие дифференциации рынков труда. Во-первых, необходимо отметить, что основное сокращение занятости в сельском хозяйстве (включая лесное хозяйство и рыболовство) в США пришлось именно на 1880–1920 гг. (с 49,4 до 27,2%¹⁹), т. е. уже в 1920-х гг. три четверти занятого населения работали на рабочих местах, не связанных с сельским хозяйством. Вместе с тем, за 40 лет увеличилась доля промышленных рабочих и их специализация, в то время как «старые» занятия, весьма распространенные в доиндустриальную эпоху, утратили свою значимость (например, к 1920 г. редкий рабочий занимался трудом колесного мастера или бондаря – см. ниже данные табл. 3).

Во-вторых, 1880–1920 гг. были отмечены колоссальным ростом числа посредников (англ. 'middleman' – досл. «средних людей») в экономике США. Именно на эти годы пришелся массовый спрос со стороны производств и государства на администрирование и выполнение рутинных задач, связанных не только с делопроизводством, но также работой с клиентами, что отразилось на росте численности офисных служащих (клерков), отмеченном в таблицах²⁰ (например, 80%-ный рост этой группы с 1910 по 1920 гг.). Массовый приток рабочей силы на позиции в сфере торговли и транспортных услуг, связанный с озвученной тенденцией, явился отражением не только усилившейся специализации в промышленности, но также возросшего к 1920 гг. потребительского спроса в США. Именно занятость в этих трех группах (торговля, транспорт и административная работа) увеличилась за 40 лет в 5 раз, в то время как другие занятия за это время лишь удвоили свою численность.

В-третьих, из представленных таблиц видно, что в США с 1880 по 1920 гг. произошли изменения касательно двух типов услуг – оказываемых на дому и персональных. Так, доля работников, специализирующихся на оказании профессиональных услуг, увеличилась в 3,5 раза с 1880 по 1920 гг., и выросла почти на 25% с 1910 по 1920 гг. Из таблиц видно, что этот прирост превосходит изменения в численности работников, занятых на позициях рабочих, торговцев или занимающихся транспортировкой. Все это стало возможно благодаря росту производительности труда и миграции сельского населения в города, вкупе с положительным приростом населения. Наглядное подтверждение тому можно найти в статистической информации касательно динамики видов экономической деятельности. Так, занятость в первичном секторе экономики США снизилась с 64,5% в 1850 г. до 32,1% в 1900г., во вторичном секторе возросла за тот же период с 17,7% до 32,1%; занятость в сфере услуг – с 17,8% до 35,9% (Urquhart, 1984). Все эти тенденции отражены более наглядно в данных табл. 3, построенной на авторской классификации ряда американских исследователей рубежа XIX–XX вв.

Таблица 3

Динамика некоторых профессиональных групп в составе населения США, 1850–1920 гг., кол. чел. на млн населения²¹

Занятия	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920
Фермеры	103097	79809	77320	84318	83904	74606	64231	57550
Колесные мастера	1323	1040	543	311	204	178	41	35
Кирпичники, каменщики, штукатуры	2733	-	-	-	-	-	-	1676
Врачи и хирурги	1757	1751	1618	1708	1665	1737	1643	1372
Священники	1157	1194	1138	1290	1401	1469	1283	1204
Водопроводчики	81	-	-	-	-	-	-	1956
Канторские служащие	4369	-	-	-	-	-	-	41246
Водители	-	-	-	-	-	-	498	2697

По всему видно, что к первой четверти XX в. фактически сложились новые типы экономической и профессиональной деятельности, характерные как для сферы производства, так и для удовлетворе-

¹⁹ При том, что население Соединенных Штатов с 1910 по 1920 гг. выросло на 14%.

²⁰ Аналогичные рассуждения можно встретить у Питирима Сорокина в его работе «Профессиональная стратификация», в которой автор ссылается на данные исследования Хэнсена «Промышленные классы в Соединенных Штатах в 1920 г.» (Hansen, 1928. Pp. 503–506).

²¹ Данные таблицы приведены по работам американских исследователей первой четверти XX в. (Brown, 1924. P. 196–204; Jenkins, 2006. P. 14–22; Sorokin, 1927). Ряд значений (по водителям) в таблице отсутствует по причине их недоступности авторам, а ряд (по численности кирпичников, каменщиков, штукатуры, водопроводчиков и канторских служащих) – для обеспечения большей наглядности сравнений между 1850 и 1920-м гг.

ния потребностей растущих средних слоев, а также новых организаций и производств. Вместе с тем, некоторые типы деятельности, связанные с первичным сектором и старыми технологиями, практически полностью утратили актуальность, что частично отмечалось выше. Это хорошо иллюстрируется данными переписи населения США, описывающими профессиональную структуру рабочей силы за последующие годы (см. рис. 1), которые приводятся по официальному изданию «Ежемесячного вестника по труду» за 2006 г. (*Wyatt and Hecker, 2006. P. 35–57*) в авторском переводе. Так, доля профессионалов, управленцев, клерков, работников, занятых в сфере торговли и бытовом обслуживании, выросла с одной четверти до трех четвертей от всего числа трудящихся за данный период (с 4,4% до 23,3%, в численном выражении наблюдался прирост с 1,7 млн до 30,2 млн). В то же время большинство занятых в сельском хозяйстве и работников на дому освободили свои рабочие места²².

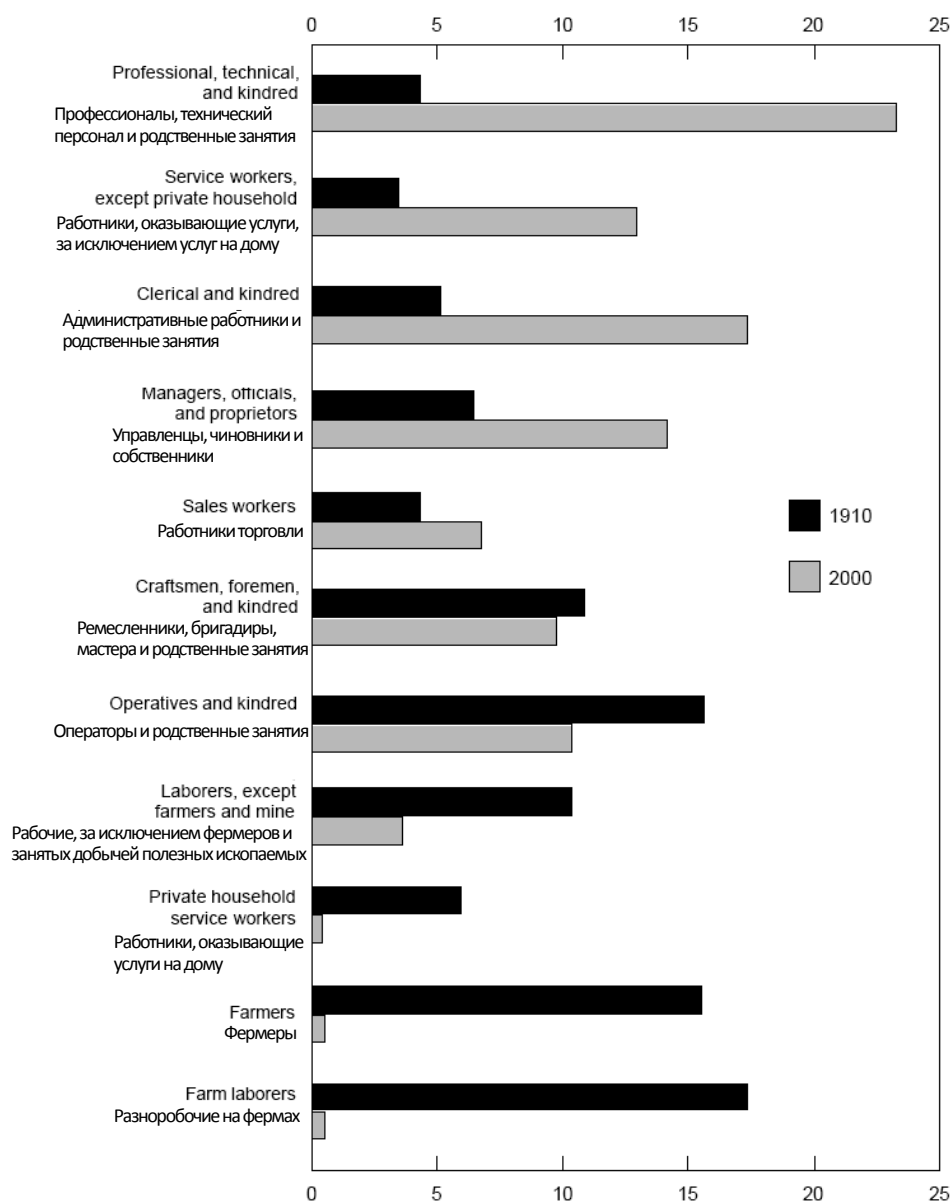

Рис. 1. Динамика профессиональных групп занятого населения США, 1910–2000 гг., %²³

²² Результаты переписи населения США и других стран, содержащиеся в Объединенной панели микроданных для общественного пользования (англ. 'IPUMS' – Integrated Public Use Microdata Series), взяты из архива Центра изучения населения в Университете Миннесоты США (<http://www.ipums.org/>). Проблема в том, что каждая перепись американского населения в XX в. проводилась с использованием разных принципов классификации профессий. Тем не менее, в базе данных IPUMS содержится Индекс занятий 1950 г. (англ. '1950 Index of Occupations and Industries'), разработанный специально для периодической переписи населения США, на основе которого можно проводить сопоставления. (См. подробно: (*1950 Census of Population..., 1950*)).

²³ Данные приводятся по источнику (*Wyatt and Hecker, 2006*).

Вместе с тем, это изменение состава профессиональных групп на протяжении XX в. шло неравномерно. В общем и целом, можно выделить несколько временных точек социально-экономического развития США, относительно которых происходило формирование профессиональной структуры населения этой страны. Первая точка – это 1910–1920 гг. С 20-х гг. XX в. заметно возросло число рабочих мест в системе здравоохранения, и хотя в 1950-х гг. не наблюдается заметных переломов в динамике роста этой группы, в последующие годы также отмечалась реализация инерции расширения доли работников по уходу за здоровьем. Эта инерция была сформирована ростом спроса на медицинские услуги, а также распространением страхования здоровья и жизни. Так, в 1939 г. только 6% американских работников имели медицинские страховки; в 1950 г. – 51% работников; в 1970 г. – 86% от числа всех американцев (во многом благодаря созданной в 1965 г. в США Федеральной программе медицинской помощи престарелым и неимущим – англ. название программы «Medicare» и «Medicaid»). Также было отмечено заметное снижение доли операторов машин и механизмов и водителей (15,7% в 1910 г.; 20,1% в 1950 г.; 10,4% в 2000 г.), хотя наиболее заметное снижение доли последних наблюдалось в США начиная с 1980-х гг.

Вторая точка – 1940-е гг. Именно после 1940 гг. наблюдался значительный рост доли инженеров в составе занятого населения Америки (который продолжался примерно до 1970 г.). Уйат и Хеккер указывают, что это может быть связано с природой инноваций, что само по себе говорит уже о специфике инженеров как особой профессиональной группе (Wyatt and Hecker, 2006. P. 42). Эта гипотеза выглядит вполне правдоподобной, если вспомнить работы Й. Шумпетера. В довоенной Америке инновации носили печать индивидуальной харизмы и только с развитием рациональных бюрократий перекочевали в лаборатории и исследовательские центры. Более подробное исследование природы и экономических следствий неоднородности процессов и противоречий, характерных для этапа активного формирования инженеров как профессиональной группы, изложено в исследовании Л. Хэнсена (Hansen, 1963).

1950-е гг. – третья временная точка, которая является переломной в динамике социально-экономического развития американского общества. С 1950-х гг. наблюдалось заметное повышение спроса на учителей, что отразилось на значительном росте представителей этой профессии. Однако это связано в большей степени не столько со структурной перестройкой экономики, сколько с демографическим бумом, начавшимся в США в послевоенные годы (первый всплеск рождаемости был зафиксирован в 1946 г.) и продлившимся до 1964 г. В 1950-е гг. также происходили значительные технологические изменения (например, серийный запуск в 1951 году первого компьютера для коммерческих целей UNIVAC), повлиявшие на не менее значительные изменения профессиональной структуры американского общества. Так, на начало 1960-х гг.²⁴ в Соединенных Штатах насчитывалось всего 12 000 компьютерных специалистов (0,02% занятых), а к 2000-м гг. их число достигло 2 496 000 (1,92% числа занятых в американской экономике на 2000-й г.).

Четвертая точка – 70-е гг. XX в. Так, в последующие годы гораздо меньшими темпами росла относительная доля инженеров и школьных учителей, с одной стороны, и число рабочих мест для представителей специальностей, не требующих высокой квалификации (занятых в сфере обслуживания и торговли, клерков и конторских служащих), с другой. С некоторой долей огрубления можно говорить, что модель профессиональной структуры позднеиндустриального этапа развития экономики складывается как раз к этому времени. Стоит добавить, что 1970-е гг. являются переломными не только в отношении профессиональных тенденций. Так, в 1979 г. проявляется вилка в оплате квалифицированного и неквалифицированного труда, о чем говорилось выше.

Если смотреть еще шире, то на начало 70-х гг. XX в. приходится конец мощной кондратьевской фазы (и соответствующей ей технико-экономической парадигмы²⁵ (см. подробно: (Karas and Czeglédi, 2007. Pp. 6–8), в то время как с середины 1970-х гг. начинается переориентация экономики США, в рамках которой накопление капитала обеспечивалось переходом от получения прибыли посредством производства к получению прибыли посредством финансовых манипуляций (Wallerstein, 2009; Валлерстайн, 2009). Не случайно статистикой США было зафиксировано повышение темпов роста рабочих мест для аудиторов, оценщиков, менеджеров, а также относительной доли юристов и адвокатов, равно как и резкое снижение числа занятых во вторичных отраслях. Так,

²⁴ Несмотря на то что первая электронно-вычислительная машина была построена еще в 1944 г., компьютерные специалисты как самостоятельная профессиональная группа были включены в официальной классификатор занятий США лишь во время переписи населения 1960 г.

²⁵ Идея связи кондратьевских волн с определенным ведущим сектором (или ведущими секторами), технологической системой, технологическим стилем или технико-экономической парадигмой принадлежит Й. Шумпетеру. Эта идея легла в основу его теории о волнах технологических инноваций. Эмпирическое подтверждение гипотезы продемонстрировано (Коротаев и Цирель, 2010. С. 189–229; см. также: (Kleinknecht and Van der Panne, 2006. P. 118–127)).

именно после 1970-х гг. отмечалось заметное снижение доли занятых ручным физическим трудом (1910 г. – 10,9%, 1920 г. – 13,8%, 1940 г. – ниже 12%, к 1950 г. – почти 14%, 1970 г. – 13%, после чего она снизилась до 9,8% в 2000 г.²⁶).

Таблица 4

Профессиональная структура в США в 2002–2008 гг., млн чел., %²⁷

Профессиональные группы	2002		2008	
	млн	%	млн	%
	145	100	145,8	100
Управленцы, бизнесмены и финансисты ²⁸	16	11	15	10
Профессионалы и родственные профессии	28	19	31	20
Офисные служащие и административный аппарат	24	17	23	16
Занятые на позициях в сфере торговли и родственных отраслях	15	10	16	11
Работники сферы обслуживания	27	19	29	20
ИТОГО: Работники, занятые в сфере услуг, торговли, технический персонал, специалисты, управленцы		76		78
Работники рыболовства, лесного и сельского хозяйства	1	1	1	1
Занятые в производстве	11	8	9	6
Работники, занятые транспортировкой	10	7	10	7
Работники, занятые в строительстве и добывающих отраслях	7	5	7	5
Рабочие, занятые установкой оборудования, его поддержкой и ремонтом	6	4	6	4
ИТОГО: Работники, занятые в первичных и вторичных отраслях экономики		24		23

Сегодня профессиональная структура США представляет собой достаточно устойчивую структуру с массовой занятостью на рабочих местах, предполагающих нефизический труд (78% – см. табл. 4), что сильно отличается от ситуации не только в России (Аникин, 2011), но и в Европе (Leiuflsrud, Bison and Jensberg, 2005).

Как видно, профессиональная структура населения США отражает основные вехи развития американской экономики, являясь долгосрочным слепком с последней. Причем, профессиональный срез экономики, по сравнению, скажем, с отраслевым делением, дает более широкий спектр информации о жизни общества в целом и развитии хозяйственной жизни страны в частности. Вместе с тем, большой набор родов деятельности порождает известные проблемы поиска единственного варианта классификации, которая бы отражала не только теоретический замысел авторов схемы, но и суть происходящих в обществе процессов. Сегодня статистические службы разных стран используют разнообразные схемы кодировки профессий. Это является дополнительной

²⁶ Стоит отметить, что Великая депрессия 1929–1933 гг., а также рецессия 1938–1939 гг., связанная со снижением государственных расходов правительства Рузвельта, в большей степени повлияли на физический труд и в меньшей – на занятость адвокатов и юристов. Это наблюдение подкрепляется также положениями кейнсианской теории, согласно которой обеспечение массовой занятости в экономике позволяет достичь первичного накопления в обществе. Как видно из представленной выше статистики, во времена Кейнса можно было говорить о массовом работнике применительно к представителям физического труда и простым работникам сферы услуг, администрирования и торговли.

²⁷ Данные взяты из официальных изданий статистического «Ежеквартального вестника по профессиям» за 2003 и 2009–2010 гг. (См. подробно: (Occupational Employment, 2003–04[1]. P. 9–10; Occupational Employment, 2009–10[1]. P. 8). Выбор в пользу 2002 г. в качестве начальной точки для сравнения продиктован следующей логикой. Выпуск 2002 г. содержит наиболее полные и свежие данные на тот период, поскольку представляет собой обобщение результатов переписи населения США, которая состоялась в 2000 г. Стоит отметить, что в выпуске 2002 г. содержатся численные (абсолютные) данные по занятости основных профессиональных групп, поэтому их относительные доли вычислены путем взятия отношения данных по численности конкретной профессиональной группы к общей численности занятых в экономике США на 2002 г. (145 млн чел., при общей численности населения в 281 млн 421 906 тыс. чел. (ценз 2000 г.)). Чтобы нивелировать влияние финансово-экономического кризиса, который сильно отразился на статистических данных по безработице США, расчетной точкой взяты данные за июль 2008 г. См. подробно (The Employment Situation..., 2008. P. 1–2).

²⁸ Забегая вперед, стоит отметить, что Бюро статистики труда США (англ. ‘BLS’ – Bureau of Labour Statistics) использует сегодня адаптированную версию классификатора профессий SOC (англ. ‘Standard Occupational Classification’), подробное описание которой даны на сайте организации, посвященном этой модели классификации родов деятельности (<http://www.bls.gov/soc/>). Более подробное рассмотрение существующих моделей представлено в следующем параграфе настоящей главы. Экономическая активность классифицируется на основе т. н. Североамериканской системы классификации хозяйственной деятельности – NAICS (англ. ‘North American Industry Classification System’). NAICS строится на основе соединения профессиональной и отраслевой иерархии и является логическим продолжением более раннего кодификатора экономической деятельности SIC (англ. ‘Standard Industrial Classification’). См. подробно: (Bergman and Joye, 2001).

иллюстрацией социально-экономических различий, имеющих место в разных странах, даже когда речь идет о США и странах Западной Европы.

Хотя для Западной Европы были характерны схожие с США закономерности в формировании профессиональной структуры занятого населения, все же стоит отметить, что переломные моменты в развитии экономики с точки зрения образовательной и квалификационной структуры ее рабочей силы принадлежат к различным временным периодам. Прежде всего речь идет о формировании широкого слоя наемных работников и класса белых воротничков²⁹. Если в США основа этого слоя сформировалась к середине 1950-х гг., то в Европе профессиональная структура с доминированием наемных работников нефизического труда сложилась лишь к концу 70-80-х гг. XX в.

Как пишет Михаэль Фестер, профессор Университета Ганновер, в Западной Германии широкий слой наемных работников нефизического труда формировался из мелких собственников, с одной стороны, и из среды рабочих – с другой. Так, еще в 1950 г. 32% занятого населения Западной Германии составляли частные предприниматели и участвующие в бизнесе члены их семей. Но уже к 2000 г. их доля сократилась до 12%. Рост производительности привел к сокращению занятых в сельском хозяйстве (с 25% до 2,5%), которое также пришлось в Западной Германии на 50–70 гг. XX в. (тогда как в США этот процесс оформился в первой половине XX в.). В то же время доля наемных работников в течение примерно того же периода возросла примерно с 68% до 89%, т. е. на 21% (Фестер, 2008. С. 27–30). Вместе с тем, основа слоя интеллектуальных работников, занимающих рабочие места, на которых требовались высокие объемы культурного капитала, формировалась в Западной Германии во второй половине XX в. Так, в 1950 г. доля профессий, которые отличались высокими профессиональными навыками и высокой индивидуальной ответственностью, составляла в общей структуре занятий экономики Западной Германии всего 5%, а к 1987 г. доля этих профессий возросла до 22%.

Причем эти тенденции характерны не только для Западной Германии. Рисунок 2, иллюстрирующий количественные изменения в профессиональной структуре населения Великобритании за почти вековой период развития, позволяет увидеть, что формирование слоя высококвалифицированных профессионалов, занятых умственным трудом, стало «набирать обороты» лишь с 70-х гг. XX в.

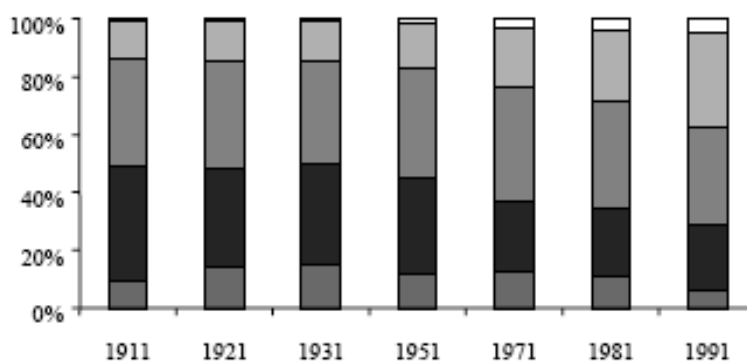

Рис. 2. Иллюстрация динамики профессиональной структуры населения Великобритании по десятилетиям в период с 1911 по 1991 гг.³⁰

В общем и целом, экономика Великобритании сохраняет традиционный для этой страны крупный сегмент промышленного производства, что сочетается с сохранением среди рабочей силы работни-

²⁹ Хотя вопрос о том, являются ли современные белые воротнички классом со свойственным ему набором атрибутов (наличие классовых интересов, возникающих, согласно неомарксистской традиции, по поводу распределения значимых (рентообразующих) ресурсов или их дефицитного сочетания, и готовность к коллективным формам действия; или нахождение в сходной классовой ситуации, определяющей, согласно неовебериянской традиции, рыночную силу в договорных отношениях по поводу выполняемой деятельности и доступ к формируемой экономикой добавленной стоимости), остается пока открытым, в литературе встречается традиция отнесения белых воротничков к классу, имеющему вполне однородное социокультурное наполнение, – новому среднему классу (см. например: (Mills, 1951)).

³⁰ На рисунке 2 представлены пять социальных классов работников в Великобритании, выделенных по типу выполняемой деятельности и имеющейся у них квалификации: I – профессионалы, II – управленцы и полупрофессионалы, III – квалифицированные работники, IV – полуквалифицированные работники, V – неквалифицированные работники. Количество людей, вошедших в первый класс (профессионалов) обозначено верхней светлой частью столбца диаграммы, в пятый – нижней. Остальные классы отображены, соответственно, «сверху вниз» в порядке возрастания номинального номера класса, от первого к пятому. См. подробно: (Hicks and Allen, 1999. P. 24).

ков, занятых преимущественно нефизическим трудом, и снижением в профессиональной структуре занятости доли работников низкой квалификации (см. рис. 2, иллюстрирующий табл. 5).

Таблица 5

Профессиональная структура Великобритании в 1911–1991 гг., %³¹

Социальные классы	1911 г.	1991 г.
I. Профессионалы	1	5
II. Управленцы и полупрофессионалы	13	32
ИТОГО: Работники средней и высокой квалификации нефизического труда	14	38
III. Квалифицированные работники	37	34
IV. Полуквалифицированные работники	39	22
V. Неквалифицированные работники	10	6
ИТОГО: Работники средней и низкой квалификации как физического, так и нефизического труда	86	62

Однако, несмотря на различия в динамике и характере процессов, лежащих в основе формирования профессиональной структуры рабочей силы, имеющих место в Соединенных Штатах и Европе, а также внутри самой Европы, все же стоит отметить главную черту этих обществ – относительно массовый слой работников умственного, и, шире, нефизического труда. Из табл. 5 видно, что увеличение доли умственного труда в Великобритании происходило за счет вытеснения представителей труда со средней и низкой квалификацией. Причем особенно интенсивно этот процесс начал происходить после 1950-х гг., что можно связать с рядом структурных реформ, предпринятых в послевоенные годы в этой стране (направленных на национализацию и техническую модернизацию старых отраслей, стимулирование инноваций), а также принятием известного Закона об образовании 1944 г., упорядочившего систему образования в целом и определившего органы ее управления, что способствовало в Великобритании в 1960–70-х гг. слому тенденции занятости в пользу работников нефизического труда и массового распространения соответствующих типов экономической и профессиональной деятельности (Köhler and Zacher, 1982).

Это значительно отличается от социально-экономических процессов, наблюдаемых в США в том же периоде – как отмечалось выше, к тому времени в Соединенных Штатах уже сформировалась основа экономики позднеиндустриального типа, о чем ярко свидетельствует характер профессиональной структуры американского населения 70-х гг. XX в. В Европе процесс деиндустриализации протекал и протекает более медленными темпами, даже когда речь идет о рынке труда Великобритании, выступающем как в теоретическом, так и в практическом аспекте альтернативой т. н. континентальной модели рынка труда (с сильными традициями обеспечения равенства возможностей всем работникам), к которой можно отнести все европейские страны романского типа.

Данные различия в динамике привели к формированию двух устойчивых парадигм объяснения того, что происходит с экономикой разных стран и их рабочей силой в XX в. Обе эти концепции нашли свое отражение в анализе, представленном выше. Согласно первой, по сути своей неовеберинанской, динамика структуры рабочей силы рассматривается прежде всего в контексте стремительного роста и доминирования среднего класса как нового коллективного актора в обществах (поздне)индустриального типа (прежде всего, в США) со своей системой занятости. Согласно другой традиции, преимущественно неомарксистской, речь идет не об образовании нового класса, а лишь о смещении границ рабочего класса и вхождении в его состав в качестве автономных слоев служащих и значительной части техников и инженеров (см. подробно генезис этой дискуссии в работе: (Шкаратан, 1996). Впрочем, в неомарксистской концепции нет единства в этом вопросе – достаточно вспомнить концепцию промежуточных классов Э. Райта и проведенную им систематизацию взглядов неомарксистов на сущность среднего класса в современных обществах.

Обобщение вышеприведенного анализа представлено в табл. 6, которая на примере промышленно развитых стран показывает модели профессиональной структуры населения, характерные для каждой стадии индустриального развития экономики.

³¹ Статистика приводится по тому же источнику.

Таблица 6

Критерии соотношения изменений профессиональной структуры и типа экономического развития³²

	ДИ	РИ	И	ПИ	ПСТИ
Исторические рамки	В Западной Европе: с XIV в. (разложение феодализма западнее р. Эльбы) до первой четверти XVIII в.	В Западной Европе (Англия): со второй четверти XVIII в. до первой половины XIX в. В США (Северные штаты): с конца XVIII в. до конца XIX в.	В Западной Европе: с середины XIX в. до 1950 (в Англии)-1960-х гг. (в континентальной Европе из-за Второй мировой войны). В США: с конца XIX в. до 1940-х гг.	В Западной Европе: 60-90 гг. XX в. В США: с 1940-1950-х до 1970-х гг.	В Западной Европе: с 1980-1990-х гг. по н.в. В США: с конца 1970-х гг. по н.в.
Пропорции в профессиональной структуре	Преобладание в экономике рабочих на земле (крестьяне), работников занятых собирательством, охотой и рыбной ловлей, промыслами, связанными с характером местности; ремесленники	Преобладание в экономике работников низкой квалификации, занятых однородным физическим трудом на фермах, в лесном хозяйстве, рыболовстве, на фабриках, заводах, транспорте, в торговле и бытовом обслуживании	Преобладание в экономике промышленных рабочих, занятых преимущественно на производстве конвейерного типа; рост числа агентов и административных работников, выполняющих рутинные задачи в бюрократиях	Преобладание в экономике работников не-физического труда: чиновников, технических специалистов, инженеров, врачей, школьных учителей, страховых агентов и агентов по недвижимости	Преобладание профессиональных менеджеров и технических экспертов, представителей профессиями консультантов, компьютерных специалистов, исследователей, аналитиков, квалифицированного технического персонала; малая доля рабочих и представителей низкоквалифицированного рутинного труда
Характер труда, глубина разделения труда по специализации и квалификации	Простейший неквалифицированный однородный труд физического характера	Универсальный однородный труд, низкая степень квалификации, низкая профессиональная дифференциация	Квалифицированный и полуквалифицированный труд, дифференциация рабочих по квалификации и специальности, формирование широкого слоя работников нефизического труда; формирование узкого слоя работников умственного труда	Узкоспециализированный труд, высокая степень квалификации, а также по характеру и содержанию выполняемой работы, как между профессиональными группами, так и внутри них	Высококвалифицированный труд при широкой специализации, высокая профессиональная дифференциация умственного труда, в квалификации включается новый критерий – креативность; низкоквалифицированный рутинный труд уходит по мере автоматизации производственного процесса
Основные источники	Bücher, 1901; Castel, 1995; Кастель 2009; Lindert, 1980; Tawney and Tawney, 1934; Unwin, 1904)	Brown, 1924; Commerce Yearbook, 1928; Handbook of Labor Statistics, 1924-1926; Hansen, 1928; Johns, 1925; Ogburn and Tibbitts, 1929; Routh, 1987; Sorokin, 1927; Urquhart, 1984)	Blau, Duncan and Tyree, 1967; Hansen, 1963; Mills, 1951; Routh, 1987; Woollard, 1999)	Broom and Smith, 1963; Goldthorpe et al., 1969; Goldthorpe, 1980; Hicks and Allen, 1999; Kumar, 1978; Larson, 1977; Perkin, 1990; Perry, Demison and Solow, 1971; Routh, 1987; Singelmann, 1978; Wyatt and Hecker, 2006)	Bell, 1973; Brown, 2007; Burton-James, 1999; Castells, 1996; Castells, 1997; Castells, 1998; Gilbert, 2010; Harnad, 1991; Krantz, 2010; Morgan and McKerrrow, 2004; Oesch and Rodriguez, 2011; Occupational Employment, 2003-04[1]; Occupational Employment, 2009-10[1]; Perkin, 1990; Porat, 1977; 92; Regimi, 2010; Touraine, 1971; Urry, 2000; Wallerstein, 2009; Валлерстайн, 2009)

³² Условные обозначения в таблице: ДИ – доиндустриальная экономика, РИ – раннеиндустриальная экономика, И – переходная фаза развития экономики от ранне- к позднеиндустриальной, ПИ – позднеиндустриальная фаза развития экономики, ПСТИ – постиндустриальная фаза развития.

Оценивая тип экономического развития той или иной страны, каждое пересечение строк и столбцов выступает своеобразным эталоном, точкой сравнения, с которой соотносятся данные национальной статистики. Это в большей степени оправдано для стран, провозглашающих модернизацию как стратегическую цель на последующие десятилетия. Поскольку модернизация предполагает наличие определенного направления и цели, формулируемой в терминах конечных результатов, выбор такой базовой точки отсчета крайне необходим, являясь в некотором смысле краеугольным камнем модернизации. В терминах концепции трудового потенциала классическая модернизация может быть понята как переход из доиндустриальной фазы развития (ДИ) к раннеиндустриальной (РИ), а затем из раннеиндустриальной к индустриальной (И), и т. п., путем создания новых рабочих мест и распределения населения по ним.

Что же в этом отношении можно сказать о модусе экономического развития России в свете становления моделей профессиональной структуры отечественной рабочей силы, характерных для США и Европы в прошлом? Комплексные обследования профессиональной структуры занятого населения в дореволюционной России практически не проводились. Основная причина состояла в том, что на протяжении длительного времени ее основные пропорции оставались неизменными: широкого слоя наемных работников не было – большая часть экономически активного населения была занята в натуральном сельском хозяйстве (см. рис. 3).

Рис. 3. Распределение занятого населения России по отраслям экономики, 1913 г., %³³

Пробелы в профессиональной классификации народонаселения России пытался восполнить В.И. Ленин, предложив оригинальное основание для распределения населения по группам по итогам Всеобщей переписи, произведенной 28 января 1897 г. (см. рис. 3), а именно – степень производственной полезности групп, объединенных тем или иным типом занятия. В общем и целом данные табл. 7 согласуются со статистикой занятости по отраслям народного хозяйства, представленной выше. Очевидно, что на рубеже XIX–XX вв. массовое расширение слоя занятых, названных Лениным «полупроизводителями» (и относимых в зарубежной литературе к представителям нефизического труда средней и низкой квалификации), было возможно в основном за счет села, и в меньшей степени за счет рабочих, проживающих в городской черте. Лишь постепенная индустриализация, медленно набиравшая обороты в царской России в начале XX в. (см. табл. 8), смогла изменить этот порядок.

Однако Первая мировая война, слом политического режима и последующее вмешательство большевиков в «естественный» ход формирования капитализма и соответствующего типа профессиональной структуры, характерной, например, для Германии (с многочисленной мелкой буржуазией и массовым рабочим классом), привели в России к тому, что был реализован иной сценарий. Большая доля людей, перебравшихся из деревень в города, за счет быстрой индустриализации, развития отраслей социальной сферы и управления, а также расширения системы среднего профессионального и высшего образования получили возможность устраиваться на работу, предполагающую нефизический труд.

³³ Источник: (Народное хозяйство СССР, 1972. С. 343).

Таблица 7

Группировка населения России по занятиям на 1897 г., млн чел., %³⁴

Занятия	млн чел.	%
Чиновники и войско	2,2	1,8
Духовенство и свободные профессии	1,6	1,3
Рантье и пенсионеры	2,2	1,8
Лишенные свободы, проститутки, неопределенные, неизвестные	0,9	0,7
Итого непроизводительного населения	6,9	5,5
Торговля	5,0	4,0
Пути сообщения и сношений	1,9	1,5
Частная служба, прислуга, поденщики	5,8	4,6
Итого полупроизводительного населения	12,7	10,1
Сельское хозяйство	93,7	74,6
Промышленность	12,3	9,8
Итого производительного населения	106	84,4
Всего	125,6	100,0

Таблица 8

Численность рабочего класса в России в 1900 и 1913 гг., тыс. чел., %³⁵

Категории рабочих	1900		1913	
	тыс.	%	тыс.	%
Занятые на крупных фабрично-заводских, горных, горнозаводских предприятиях и транспорте	2640,9	22	3938,9	22
Занятые в мелкой промышленности	2000	16	3000	16
Строительные рабочие	1000	8	1500	8
Сельскохозяйственные рабочие	4540,3	37	6500	36
Занятые в лесном деле и чернорабочие в строительстве, на транспорте, в торговле	2000	16	3300	18
Всего	12181,2	100	18238,9	100

К 1970-м гг. система рабочих мест с большой долей позиций для представителей нефизического труда, подавляющее большинство которых концентрировалось в крупных городах, окончательно сложилась. В итоге за 50 лет (с 1926 по 1976 гг.) число работников, занятых нефизическим трудом, выросло в 12 раз – с 3 млн до 36 млн (Волков, 1999). Пропорционально увеличилось число выпускников вузов, причем на протяжении полувека их доля относительно лиц со средним специальным образованием практически не менялась (см. рис. 4).

Вместе с тем, в СССР увеличивалась доля специалистов и служащих – с 9,9 млн в 1960 г. до 20,9 млн в 1985 г., что составило на 1985 г. 29% от числа занятых в экономике. Основу профессиональной структуры рабочей силы к концу 80-х гг. составляла широкая прослойка наемных работников, занятых в тяжелой промышленности, оборонке, системе образования и медицины. Однако, уже в 1970-х гг. стало очевидно, что советская экономика имела большие диспропорции³⁶. Учитывая особенность межпоколенной профессиональной и поселенческой мобильности россиян (о которых речь шла выше), неудивительно, что высококвалифицированные рабочие и специали-

³⁴ Источник: (Общий свод по империи..., 1905. С. 296). Расчет и группировка данных переписи произведена В.И. Лениным в произведении «Развитие капитализма в России», написанном автором в 1896–1899 гг. (Ленин, 1958. С. 501).

³⁵ Данные таблицы обобщены А.П. Корелиным и помещены им в сборник, посвященный статистическому представлению ситуации в России накануне 1914 г. (Россия накануне Первой мировой войны, 2008. С. 199–200). Автор опирался на следующие источники: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет. 1887–1926. Т.1, ч.1, – М.-Л., 1929. с. 96–97; То же. Т.1, ч. 3, – М.-Л., 1930, с. 176–177; Статистический сборник министерства путей сообщения. Вып. 69, Табл. XI 1. – СПб., 1902, с. 20; То же. Вып. 141. 4. 111, Табл. XII. – СПб., 1917, с. 35; Речной флот (Паровой и непаровой) Азиатской России. – СПб., 1901, с. III; Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 137. – Пг., 1915, с. 1, 2, 7, 15, 16, 20; Статистико-экономический сборник. – М., 1926, с. 8 (Сост. Н.А.Иванова).

³⁶ Характерным отголоском чего стал т. н. «Новосибирский манифест» – доклад Т.И. Заславской 1983 г. «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии», который, хотя он и вышел под грифом «для служебного пользования», через несколько месяцев был растиражирован в США и ФРГ.

сты зачастую выполняли тогда работу ниже уровня своего образования и квалификации. Эти «ножницы» в среднем по стране составляли от 10 до 50% по различным социальным слоям (Голенкова и Игитханян, 1998). Система рабочих мест в экономике просто не успевала перестроиться под спрос армии выпускаемых вузами специалистов, что усугубилось еще больше от сворачивания косыгинских реформ 1965 г.

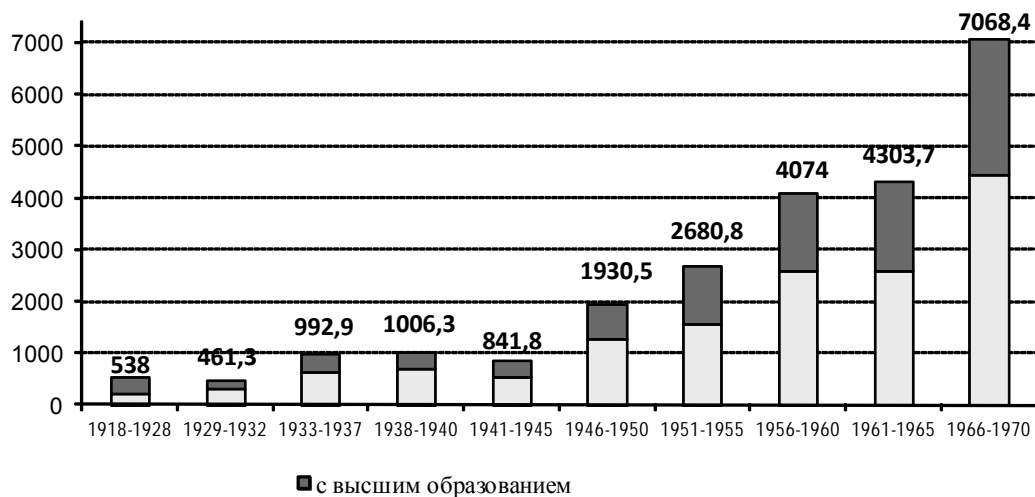

Рис. 4. Выпуск специалистов в 1918-1970 гг. в зависимости от уровня образования, тыс. чел.³⁷

Таблица 9

Динамика профессиональной структуры в России в 1994-2006 гг., ПСГ-11, %³⁸

Профессиональные группы	1994 г.	2002 г.	2006 г.
Предприниматели	2,6	4,4	4,0
Управляющие и чиновники высшего звена	1,3	0,7	0,9
Управляющие и чиновники среднего звена	1,3	1,6	1,6
Управляющие и чиновники низшего уровня	7,5	7,2	7,6
Высококвалифицированные профессионалы	8,2	3,5	4,2
Профессионалы с высшим образованием	18,6	14,3	12,5
Работники со средним специальным образованием	19,1	14,1	11,7
Технические работники (в сферах бытовых услуг и организации управления)	3,5	10,9	9,8
Квалифицированные и высококвалифицированные рабочие	25,2	26,8	32,4
Не- и полуквалифицированные рабочие	12,7	16,7	14,1
Самозанятые	–	–	1,2

Согласно данным выборочной статистики, представленным в табл. 9, этот тренд позже стабилизировался (Шкаратан и Ястребов, 2007), хотя это несколько противоречит данным официальной статистики в России³⁹. Анализ отмеченных различий, выполненный автором на основе панельного

³⁷ Данные приводятся по исследованию (Волков, 1999).

³⁸ Данные приводятся по результатам представительных опросов, проведенных в 1994, 2002, 2006 гг. под руководством О.И. Шкаратана. Разбивка групп осуществлена О.И. Шкаратаном и Г.А. Ястребовым на основании разработанной О.И. Шкаратаном шкалы РГ-100, укрупненной в данном случае до 11 постоянных социальных групп – ПСГ-11 (Шкаратан, 2006; Шкаратан и Ястребов, 2007. С. 29).

³⁹ В настоящее время вопрос о профессиональной структуре напрямую зависит от методов измерения профессиональных статусов работников. Перестройка открыла в России большие возможности для изучения профессиональной структуры рабочей силы. Стоит отметить работы О.И. Шкаратана (Шкаратан и Тихонова, 1996), исследование В.И. Ильина (Ильин, 2002). Также заслуживают внимания этнографические исследования профессий (Казурова, 2005). Из числа других работ по исследованию профессиональной структуры можно отметить попытки адаптации к российским условиям методики профессиональной классификации экономически активного населения, принятого Европейским обществом по вопросам общественного мнения и маркетинговым исследованиям (ESOMAR), представленные в монографии Н.Е. Тихоновой (Тихонова, 2007). Также нельзя обойти стороной социологическое исследование В.Ф. Анурин, посвященное проблемам эмпирического измерения профессиональной стратификации (Анурин, 2006). В последнее время в Институте социологии РАН В.А. Мансуров организовал выпуск сборников научных статей, посвященных разным аспектам анализа профессий (Мансуров, 2009; Социальная динамика ..., 2007), что особенно ценно в условиях, когда долгими годами формировалась

исследования RLMS-HSE⁴⁰ за период с 1994 по 2010 гг., привел к необходимости адаптации⁴¹ Международного классификатора занятий (ISCO-88⁴²), принятого на вооружение отечественной статистикой. Это сделало возможным создать массив, описывающий профессиональную структуру России, в котором данные расхождения сведены к минимуму. Согласно полученной статистике (см. Приложение 1), с 1994 по 2011 гг. выделяются четыре явных тренда в отношении профессиональной структуры занятого населения России:

- Неуклонный рост доли средне- и низкоквалифицированной рабочей силы.
- Относительно поздний (лишь с 2009 г.) и едва выраженный рост числа занятых на позициях профессионалов.
- Рост, сопровождающийся высокой степенью внутренней нестабильности управленцев, по сравнению с уровнем и скоростью стабилизации структуры других профессиональных групп.
- Устойчивое снижение доли физического труда, преимущественно квалифицированного (рабочих на производстве, занятых сборкой и обслуживанием оборудования на предприятиях российской промышленности).

В целом, если сопоставлять эти по сути количественные данные российской выборочной статистики со схемой, представленной в табл. 6, то можно сделать вывод о том, что российская экономика находится на этапе деиндустриализации, которая осуществляется наряду с масштабной декартификацией рабочей силы нашей страны⁴³. Другими словами, глядя даже на количественные характеристики профессиональной структуры занятого населения нашей страны, можно определить модель социально-экономического развития России как затянутый переход от индустриальной к постиндустриальной фазе.

Таким образом, из сравнения данных отечественных исследований профессиональной структуры населения с данными зарубежной статистики за разные периоды, можно сделать вывод, что Россия подошла к 1990-м гг. с «раздутым» по отношению к этапу ее тогдашнего экономического развития слоем работников нефизического труда, значительная часть которых была занята трудом невысокой квалификации. При этом *формирование массовых групп рабочих и занятых нефизическим трудом исторически происходило в нашей стране не последовательно (как, скажем, в Западной Германии), а параллельно, в одно и то же время. В некоторых аспектах российская специфика напоминает закономерности, отмеченные выше для профессиональной структуры США, согласно которым индустриализация американской экономики, по крайней мере до начала XIX в., протекала одновременно с ростом рабочих мест нефизического труда, не требующих высокой квалификации (агенты, конторские служащие, клерки и проч.).*

Заключение и обсуждение

В заключение стоит отметить, что анализ динамики профессиональной структуры занятого населения открывает широкие возможности для выделения и описания основных этапов экономического развития в разных странах, в том числе и в России. Более того, предложенная в работе схема соотнесения изменений профессиональной структуры и типа экономического развития позволяет

традиция изучения лишь определенных профессиональных групп. Однако надо признать, что большинство этих и других посвященных данной проблематике работ не ставят перед собой задачи полномасштабной кодификации многочисленных занятий с учётом российских реалий. В России подобные исследования, направленные на создание адекватной для нашей страны системы профессиональной классификации, пока единичны и разрозненны (Аникин, 2009; Бессуднов, 2009; Шкарлатан, 2006).

⁴⁰ Имеется в виду РМЭЗ – Российский мониторинг экономического положения и здоровья (англ. ‘Russian Longitudinal Monitoring Survey, RLMS-HSE’), осуществляемый НИУ ВШЭ и ЗАО ‘Демоскоп’ совместно с Центром изучения населения в Каролине, Университет Северной Каролины, под руководством Б.М. Попкина, и Институтом социологии РАН (П. Козырева и М. Косолапов). RLMS-HSE представляет собой серию опросов, репрезентативных по России, разработанных для измерения эффектов от российских реформ в области здоровья и экономического положения домохозяйств и индивидов в Российской Федерации. Данные были собраны 19 раз, начиная с 1992 г. Из них 15 (начиная с 1994 г.) представляют данные второй фазы RLMS-HSE, которые обычно используются при анализе (<http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms-hse>).

⁴¹ Авторская адаптация ISCO-88 основана на принципах эмпирического структурализма (Blau, 1977), согласно которым профессиональная структура населения изучается через пространство позиций, выявляемых на основе наиболее значимых в современной экономике (см. подробно: (Аникин, 2011)).

⁴² Международный классификатор занятий (англ. ‘The International Standard Classification of Occupations’, ISCO-88) является официальным классификатором Международной организации труда, специально разработанного для стран, прошедших индустриализацию, что обеспечивает популярность его использования по всему миру как в выборочных исследованиях, так и национальными статистическими службами. База данных RLMS-HSE распространяется с уже посчитанным классификатором ISCO-88, основанным на правилах Женевской Резолюции 1988 год, без какой-либо адаптации к российским реалиям.

⁴³ Ярким индикатором рассогласования структуры рабочей силы и структуры рабочих мест, что, как было отмечено выше, является советским наследием современной российской экономики, является то, что многие специалисты вынуждены работать на позициях, которые не соотносятся с их уровнем человеческого капитала (см. подробно: (Аникин, 2009)).

проводить сравнительные исследования, фиксировать ограничения и прогнозировать возможные направления экономического развития стран. Анализ российской специфики показывает, что к началу реформ 90-х гг. XX в. наша страна находилась на этапе индустриализации, который соответствовал послевоенным годам в США и Европе.

Применение этой схемы в современных исследованиях позволяет понять, насколько эффективны оказались реформы 90-х с точки зрения вписывания России в международную систему разделения труда и распределения рент. Другими словами, такой взгляд на профессиональную структуру позволяет сформулировать ракурс для анализа эволюции качества рабочей силы в современной России с точки зрения того, насколько занятое население нашей страны может быть ядром «экономики знаний» (Аникин, 2009).

Существенным ограничением предлагаемой схемы является допущение о том, что в качестве индикатора социально-экономического развития взята концепция индустриализации; что разные страны проходят одни и те же этапы, которые сменяются поступательным движением от одной стадии к другой; а также о сопоставимости профессиональных структур. Вместе с тем, концепция индустриализации, сформулированная в рамках модернизационной теории, наряду с другими смежными концепциями (например, упоминавшейся выше теории «периферийной экономики») сыграли и продолжают играть важную роль в эволюции научной мысли развивающихся стран (Нуреев, 2004). Что касается адекватного измерения профессиональной структуры, то здесь стоит отметить, что использование международного классификатора занятий ISCO-88, разработанного как раз для обеспечения международных сравнений по индустриально развитым странам, может быть неплохой альтернативой национальным классификациям профессий, хотя схема не исключает использование последних.

Как следствие, рассмотрение профессиональной структуры в качестве индикатора экономических процессов позволяет выявить основные закономерности в государственной политике развитых стран по отношению к некоторым группам рабочей силы. Формирование рабочей силы определенного качества давно стало главным принципом в администрировании социально-экономического развития в промышленно развитых странах. Без осознания этой связи невозможно эффективно перейти к построению экономики знаний и, следовательно, к этапу постиндустриального развития экономики.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В.А. (2011). Модернизационный потенциал профессиональной структуры занятого населения России. *Общество и экономика*, № 11–12.
- Аникин В.А. (2009). Социально-профессиональная структура России: методология и тенденции. *Профессиональные группы в современном обществе: динамика и трансформация*. М.: Ин-т социологии РАН.
- Анурин В.Ф. (2006). Профессиональная стратификация и закон перемены труда. *Социологические исследования*, № 7.
- Бессуднов А.Р. (2009). Социально-профессиональный статус в современной России. *Мир России*, № 2.
- Волков В.С. (1999). Интеллектуальный слой в советском обществе. М.: ИНИОН РАН.
- Голенкова З. и Игитханян Е. (1998). Глава 4. Социальная структура и стратификация / В кн.: Ядов В.А. (ред.). *Социология в России*. М.: Издательство Института социологии РАН.
- Доклад о росте*. (2009). Стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития. Колл. авторов. М.: Весь мир.
- Ильин В.И. (2002). Белые воротнички в современной России: новые средние слои или конторский пролетариат? *Рубеж (альманах социальных исследований)*, ноябрь.
- Казурова Е.В. (2005). Новые и традиционные профессии в изменяющейся России: социально-антропологический подход. *Журнал социологии и социальной антропологии*, т. VIII, № 3.
- Капелюшников Р.И. (2010). Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья россиян») / Р.И. Капелюшников, А.Л. Лукьянова. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Коротаев А.В. и Цирель С.В. (2010). Кондратьевские волны в мировой экономической динамике / В кн.: Халтурина Д.А. и Коротаев А.В. (отв. ред.) *Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие*. М.: Либроком/URSS.
- Ленин В.И. (1958). Полное собрание сочинений в пятидесяти пяти томах, т. 3. М.: Издательство политической литературы.
- Народное хозяйство СССР. 1922–1972*. (1972). *Юбилейный статистический ежегодник*. М.: Изд. ЦСУ СССР.
- Нуреев Р.М. (2004). Периферия мирового хозяйства: проблемы догоняющего развития. *TERRA ECONOMICUS (Экономический вестник Ростовского государственного университета)*, т. 2, № 4.

Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, проведенной 28 января 1897 г. (1905). т. 2, табл. XXI. СПб.

Мансуров В.А. (ред.) (2009). Профессиональные группы: динамика и трансформация. М.: Изд-во Института социологии РАН.

Мансуров В.А. (ред.) (2007). Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе. М.: Изд-во Института социологии РАН.

Россия накануне Первой мировой войны (2008). Статистико-документальный справочник. М.: Самотека.

Тихонова Н.Е. (2007). Модель социальной стратификации российского общества: эвристические возможности различных теоретических подходов / В кн.: Горшков М.К. (отв. ред.) *Россия трансформирующаяся*. Ежегодник, вып. 6. М.: Институт социологии РАН.

Фестер М. (2008). Социальные милье, классы и стили жизни в Западной Германии / В кн.: Воронков В. и Соколов М. (ред.) *Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива*. СПб.: Алтея.

Шкаратан О.И. (1996). Теории стратификации общества реального социализма / В кн. Радаев В.В. и Шкаратан О.И. *Социальная стратификация*. М.: Аспект Пресс.

Шкаратан О.И. (2006). Социально-экономическое положение и поведение профессионалов и менеджеров в сфере занятости. Препринт WP1/2006/03. Серия WP1 (Институциональные проблемы российской экономики). М.: ГУ – ВШЭ.

Шкаратан О.И. и Тихонова Н.Е. (1996). Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда. *Мир России*, № 1.

Шкаратан О.И. и Ястребов Г.А. (2007). Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России: Предварительные итоги представительного опроса экономически активного населения России 2006 г. Препринт WP7/2007/02. Серия WP7 (Теория и практика общественного выбора). М.: ГУ – ВШЭ.

Becker G. (1964). *Human Capital*. Chicago: University of Chicago Press.

Bell D. (1973). *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting*. New York: Basic books.

Bergman M. and Joye D. (2001). *Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman, and Wright*. Cambridge: Cambridge Studies in Social Research.

Blau P. (1977). *Inequality and heterogeneity: a primitive theory of social structure*. N.Y.: Free Press.

Blau P., Duncan O. and Tyree A. (1967). *The American Occupational Structure*. N.Y.: Wiley.

Broom L. and Smith J.H. (1963). Bridging occupations. *The British Journal of Sociology*, vol. 14, no. 4.

Brown D.K. (2007). Globalization and Employment Conditions Study. Social Protection Discussion Paper No. 0708, April. Washington D.C.: The World Bank.

Brown R.M. (1924). Occupations in the United States. *Scientific Monthly*, vol. 18.

Bücher K. Entstehung der volkswirtschaft. Erste summlung. Laupp, Tbingen. (In English in: Wickett S.M. (1912). *Industrial Evolution*. New York: H. Holt and Company, 1901.)

Burton-James A. (1999). *Knowledge capitalism: Business, work, and learning in the economy*. New York: Oxford university press.

Castel R. (1995). *Les Metamorphoses de la question sociale: Une chronique du salariat*. Paris: Fayard. (Rus. ed.: Castel R. *Metamorphoses of the social question. Chronicles of the employees*. Moscow: Alteya, 2009).

Castells M. (1996). *The rise of the network society: The information age: Economy, society and culture*, vol. I. Oxford: Willey-Blackwell, 1996.

Castells M. (1997). *The power of identity: The information age: Economy, society and culture*, vol. II. Oxford: Willey-Blackwell, 1997.

Castells M. (1998). *The end of the millennium: The information age: Economy, society and culture*, vol. III. Oxford: Willey-Blackwell.

Castells M. (2004). *Informationalism, networks, and the network Society: A Theoretical Blueprint / In Castells M. (ed.) The network society: A cross-cultural perspective*. Northampton: Edward Elgar Pub.

Chen Ta (1947). Occupations. *The American Journal of Sociology*, vol. 52, Supplement: Population in Modern China.

Commerce Yearbook. United States Department of Commerce (1928). U.S. Govt. Print. Off.

Downs J. (2010). *The Industrial Revolution: Britain, 1770–1810*. Oxford: Shire Publications.

Dunkerley D. (1975). *Occupations and society*. London-Boston: Routledge & Paul.

Ess Ch. and Sudweeks F. (eds.) (2001). *Culture, technology, communication: towards an intercultural global village*. New York: State university of New York press.

- Fairbairn I. (1967). More on the labor potential – Some evidence from Western Samoa. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 16, no. 1.
- Fuchs C. (1968). *Internet and society: Social theory in the information age*. New York: Routledge.
- Gilbert D. (2010). *The American class structure in an age of growing inequality*. London: Pine Forge Press.
- Goldthorpe J.H. (1980). *Social mobility and class structure in modern Britain*. Oxford: Clarendon Press.
- Goldthorpe J.H. (2000). Symposium on Class analysis: Rent, class conflict, and class structure: a commentary on Sorensen. *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no. 6.
- Goldthorpe J.H. (2002). Occupational sociology, yes: Class analysis, no: Comment on Grusky and Weeden's research agenda. *Acta Sociologica*, vol. 45, no. 3.
- Goldthorpe J.H. et al. (1969). *The affluent worker in the class structure*. New York: Cambridge University Press.
- Gouldner A. (1978). The new class project II. *Theory and Society*, vol. 6, no. 3.
- Granovetter M. (2005). The Impact of social structure on economic outcomes. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 19, no. 1.
- Handbook of Labor Statistics*. United States Department of Labor, Bureau of Labor Statistics. (1924–1926). U.S. Govt. Print. Off.
- Hansen A.H. (1928). Industrial classes in the United States in 1920. *Journal of the American Statistical Association*, vol. 18.
- Hansen W. (1963). Professional engineers: Salary structure problems *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*, no 2.
- Harnad S. (1991). Post-Gutenberg galaxy: The fourth revolution in the means of production of knowledge. The public-access. *Computer Systems Review*, vol. 2, no. 1.
- Häusermann S. (2010). The politics of welfare state reform in continental Europe: modernization in hard times. New York: Cambridge University Press.
- Henock E. (2007). *The origin of the welfare state in England and Germany, 1850–1914: Social policies compared*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hicks J. and Allen G. (1999). A century of change: Trends in UK statistics since 1900. *Research Paper 99/111*, December 21. Washington: House of Commons Library, Social and General Statistics Section.
- Jenkins H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: New York University Press.
- Johnes M.Z. (1925). Trend of occupation in the population. *Monthly Labor Review*, no. 5.
- Kapas J. and Czegledi P. (2007). What does transition mean? Post-socialist and Western European countries paralleled. *The Journal of Comparative Economic Studies*, vol. 3.
- Kleinknecht A. and Van der Panne G. (2006). Who was right? Kuznets in 1930 or Schumpeter in 1939? / *Devezas T.C. (ed) Kondratieff waves, warfare and world security*. Amsterdam: IOS Press.
- Köhler P. and Zacher H. (eds) (1982). *The evolution of social insurance, 1881–1981: studies of Germany, France, Great Britain, Austria, and Switzerland*. London: F. Pinter; New York: St. Martin's Press on behalf of the Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Sozialrecht.
- Krantz L. (2010). *Jobs rated almanac*. New York: St. Martin's press.
- Krug G. (2005). *Communication, technology and cultural change*. – London: Sage.
- Kumar K. (1978). *Prophecy and progress: The sociology of industrial and post-industrial society*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Labour pains. (2007). *The Economist*, Mar 6th.
- Larson M. (1977). *The rise of professionalism: A sociological analysis*. Berkeley: University of California Press.
- Leadbeater Ch. (1999). *Living on thin air: The new economy*. Harmondsworth: Viking and Penguin.
- Leadbeater Ch. (2000). *The weightless society: living in the new economy bubble*. New York: Texere.
- Leifsrud H., Bison I. and Jensberg H. (2005). *Social class in Europe: European Social Survey 2002/3*. NTNU Samfunnsforskning/NTNU Social Research Ltd.
- Lindert P.H. (1980). English occupations, 1670–1811. *The Journal of Economic History*, vol. 40, no. 4.
- Machlup F. (1962). *The production and distribution of knowledge in the United States*. Princeton: Princeton university press.
- McLuhan M. (1962). *The Gutenberg galaxy: the making of typographic man*. Toronto: University of Toronto press.
- McLuhan M. (2002). *The mechanical bride: Folklore of industrial man*. New York: The Vanguard Press, reissued by Gingko Press.
- Mills C.W. (1951). *White Collar: The American middle class*. N.Y.: Oxford University Press.

- Morgan S. and McKerrow M. (2004). Social class, rent destruction, and the earnings of black and white men, 1982–2000 / In: Kalleberg A.L. et al (eds.) *Inequality: Structures, dynamics and mechanisms. Essays in honor of Aage B. Sorensen*. Oxford: Elsevier Ltd.
- Murphy R. (1990). Proletarianization or bureaucratization: the fall of the professional? / In: *Torsten-dahl R. and Burrage M. (eds.) The formation of professions. Knowledge, state and strategy (Advanced studies in the social sciences)*. London & Newbery Park, CA: SAGE Publications.
- Naisbitt J. (1994). *Global paradox: The bigger the world economy, the more powerful its smallest players*. New York: W. Morrow.
- Occupational Employment. (2003–04[1]). *Occupational Outlook Quarterly*, Winter, vol. 47, no. 4.
- Occupational Employment. (2009–10[1]). *Occupational Outlook Quarterly*, Winter.
- OECD. (2000). *Literacy in the information age: Final Report of the International adult literacy survey*. Paris: OECD.
- Oesch D. and Rodriguez M.J. (2011). Upgrading or polarization? Occupational change in Britain, Germany, Spain and Switzerland, 1990–2008. *Socio-Economic Review*, vol. 9, no. 3.
- Ogburn W. and Tibbitts C. (1929). Occupations. *The American Journal of Sociology*, vol. 34, no. 6.
- Perales F. (2010). Occupational feminization, specialized human capital and wages: evidence from the British labour market. *ISER Working Paper Series*, no. 31.
- Perkin H. (1990). *The rise of professional society: England since 1880*. London: Routledge.
- Perry G., Denison E. and Solow R. (1971). Labor force structure, potential output, and productivity. *Brookings Papers on Economic Activity*, no. 3.
- Porat M. (1977). *The information economy*. Washington, DC: US Department of Commerce.
- Poster M. (1990). *The mode of information: Poststructuralism and social context*. Chicago: University of Chicago press.
- Powell W. and Snellman K. (2004). The Knowledge economy. *Annual Review of Sociology*, vol. 30, August.
- Regini M. (2010). The increasing individualization of work and labour. *Socio-Economic Review*, no. 8.
- Reich R. (1999). *The political paradox of inequality*. Cambridge, MA: Harvard University Press. Accessed at: <http://www.hks.harvard.edu/inequality/>. Accessed 20 November 2012.
- Routh G. (1987). *Occupations of the people of Great Britain 1801–1981*. London: Macmillan.
- Saxenian A. (1994). *Regional advantage: Culture and competition in Silicon Valley and Route 128*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Schultz T. (1963). *The economic value of education*. New York.: Columbia University Press.
- Singelmann J. (1978). *From agriculture to services: The transformation of industrial employment*. California: Sage Publications.
- Smaller shares, bigger slices (2007). *The Economist*, April 5th.
- Sorensen A.B. (2000). Toward a sounder basis for class analysis. *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no. 6.
- Sorokin P. (1927). *Social Mobility*. New York: Harper & Brothers.
- Soskice D., Estevez-Abe M. and Iversen T. (2001). Social protection and the formation of skills: a reinterpretation of the welfare state / In: *Soskice D. and Hall P. (eds.) Varieties of capitalism: the institutional foundations of comparative advantage*. Oxford: Oxford University Press,.
- Standing G. (2011). *The precariat: The new dangerous class*. London–New-York: Bloomsbury Academic. Accessed at: [Summer/Summer99/summer1999.htm](http://www.bloomsbury.com/summer/Summer99/summer1999.htm). Accessed on 20 November 2012.
- Tawney A.J. and Tawney R.H. (1934). An occupational census of the seventeenth century. *Economic History Review*, no. 5.
- The Employment Situation: August 2008*. (2008). United States Department of Labor, Bureau of Labor Statics. U.S. Govt. Print. Off., September 5.
- Toffler A. (1990). *Powershift: Knowledge, wealth and violence at the edge of the 21st century*. New York: Bantam Books.
- Touraine A. (1971). *The post-industrial society. Tomorrow's social history: Classes, conflicts and culture in the programmed society*. New York: Random House.
- Unwin G. (1904). *Industrial organization in the sixteenth and seventeenth centuries*. Oxford: Clarendon press.
- Urquhart M. (1984). The employment shift to services: where did it come from? *Monthly Labor Review*, April.
- Urry J. (2000). *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. London: Routledge.

1950 Census of Population: Classified Index of Occupations and Industries. (1950). Washington D.C.: U.S. Bureau of the Census.

Wallerstein I. (2009). Dynamics of (unresolved) global crisis: Thirty years later. Report on Plenary Session #5, 39th World Congress of the International Institute of Sociology, June 13. Yerevan, Armenia. Accessed on: http://www.inop.ru/files/valer_politeh.pdf. Accessed 20 November 2012. (На русском см.: Валлерстайн И. (2009). Динамика (незавершенного) глобального кризиса: тридцать лет спустя. Доклад на Международной конференции «Возвращение политэкономии: к анализу возможных параметров мира». Москва, Политехнический музей, 11–12 сентября.

Webster F. (2006). *The information society*. Abingdon: Taylor & Francis.

Wellman B. and Haythornthwait C. (eds.) (2002). *The internet in everyday life*. Oxford: Blackwell.

Woollard M. (1999). *The classification of occupations in the 1881 census of England and Wales*. Occasional Paper no. 1. Historical Censuses and Social Surveys Research Group. Colchester: University of Essex.

World economic outlook. (2007). Spillovers and cycles in the global economy. Washington, DC: International Monetary Fund.

World economic outlook. (2009). Crisis and Recovery. Washington, DC: International Monetary Fund.

Wyatt I. and Hecker D. (2006). Occupational changes during the 20th century. *Monthly Labor Review*, vol. 129, no. 3.

REFERENCES

Anikin V.A. (2011). Modernization potential of the occupational structure of Russia's employed population. *Obshchestvo i ekonomika*, no. 11–12.

Anikin V.A. (2009). Socio-professional structure of Russia: methodology and tendencies. *Professional groups in modern society: dynamics and transformation*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ.

Anurin V.F. (2006). Professional stratification and the labor alteration law. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya*, № 7.

Bessudnov A.R. (2009). Social and professional status in modern Russia. *Mir Rossii*, № 2.

Volkov V.S. (1999). Intellectual groups in the Soviet society. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.

Golenkova Z. and Igitkhanyan E. (1998). Chapter 4. Social structure and stratification / In Yadov V.A. (red.). *Sociology in Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ.

Report on Growth. Strategies of sustainable growth and inclusive development. Collective of authors. Moscow: Ves mir Publ., 2009.

Ilijin V.I. (2002). White collars in modern Russia: new middle classes or the office proletariat? *Rubezh (Almanac of the Social Research)*, November.

Kazurova E.V. (2005). New and traditional professions in changing Russia: socio-anthropological approach. *Journal of sociology and social anthropology*, vol. VIII, no. 3.

Kapelyushnikov R.I. (2010). Transformation of the human capital in Russian society (based on the «Russian monitoring of economic status and health of the Russians») / Kapelyushnikov R.I. and Lukyanova A.L. Moscow: Fund «Liberal Mission» Publ.

Korotaev A.V. and Tsirel S.V. (2010). Kondratiev waves in world's economic dynamics / In Khalturina D.A. and Korotaev A.V. (resp. ed.) *System monitoring. Global and regional development*. Moscow: Librokom/URSS Publ.

Lenin V.I. (1958). *Complete Works*, 55 vols., vol. 3. Moscow: Publishing of political literature.

National Economy of USSR. 1922–1972. (1972). *Anniversary Annual of Statistics*. Moscow: Central Statistical Department of USSR Publ.

Nureev R.M. (2004). Periphery of the world economy: problems of catch-up development. *TERRA ECONOMICUS (Economic Herald of Rostov State University)*, vol. 2, no. 4.

The Summary Results of Data Processing of the First national census of the Russian Empire, from 28 January, 1897. (1905). Vol. 2, table XXI. Saint-Petersburg.

Mansurov V.A. (ed.) (2009). Occupational groups: dynamics and transformation. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ.

Russia before World War I (2008). Statistical and documentary reference book. Moscow: Samoteka.

Mansurov V.A. (ed.) (2007). Social dynamics and transformation of occupational groups in modern society. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ.

Tikhonova N.E. (2007). Model of social stratification of the Russian society: heuristic means of various theoretical approaches / In Gorshkov M.C. (resp. ed.) *Russia under Transformation*. Annual, vol. 6. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences Publ.

- Fester M. (2008). Social milieu, classes and life styles in Western Germany / In *Voronkov V. and Sokolov M.* (eds.) *Social Inequality. Change in the social structure: European perspectives.* Saint-Petersburg: Alteya.
- Shkaratan O.I. (1996). Theory of the real socialist society stratification / In *Radaev V.V. and Shkaratan O.I.* *Social Stratification.* Moscow: Aspect Press.
- Shkaratan O.I. (2006). Socio-economic status and behavior of professionals and managers in sphere of employment. Preprint WP1/2006/03. Series WP1 (Institutional Problems of the Russian Economy). Moscow: GU – HSE Publ.
- Shkaratan O.I. and Tikhonova N.E. (1996). Employment in Russia: social stratification on the labor market. *Mir Rossii*, no. 1.
- Shkaratan O.I. and Yastrebov G.A. (2007). Socio-professional structure and its reproduction in modern Russia: Preliminary results of representative survey of economically active population of Russia in 2006. Preprint WP7/2007/02. Series WP7 (Theory and practice of public choice). Moscow: GU – HSE Publ.
- Becker G. (1964). *Human Capital.* Chicago: University of Chicago Press.
- Bell D. (1973). *The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting.* N.Y.: Basic books.
- Bergman M. and Joye D. (2001). Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman, and Wright. Cambridge: Cambridge Studies in Social Research.
- Blau P. (1977). *Inequality and heterogeneity: a primitive theory of social structure.* N.Y.: Free Press.
- Blau P., Duncan O. and Tyree A. (1967). *The American Occupational Structure.* N.Y.: Wiley.
- Broom L. and Smith J.H. (1963). Bridging occupations. *The British Journal of Sociology*, vol. 14, no. 4.
- Brown D.K. (2007). Globalization and Employment Conditions Study. Social Protection Discussion Paper No. 0708, April. Washington D.C.: The World Bank.
- Brown R.M. (1924). Occupations in the United States. *Scientific Monthly*, vol. 18.
- Bücher K. Entstehung der volkswirtschaft. Erste summlung. Laupp, T bingen. (In English in: *Wickett S.M.* (1912). *Industrial Evolution.* New York: H. Holt and Company, 1901.)
- Burton-James A. (1999). *Knowledge capitalism: Business, work, and learning in the economy.* New York: Oxford university press.
- Castel R. (1995). Les Metamorphoses de la question sociale: Une chronique du salariat. Paris: Fayard. (Rus. ed.: *Castel R.* *Metamorphoses of the social question. Chronicles of the employees.* Moscow: Alteya, 2009).
- Castells M. (1996). *The rise of the network society: The information age: Economy, society and culture*, vol. I. Oxford: Willey-Blackwell, 1996.
- Castells M. (1997). *The power of identity: The information age: Economy, society and culture*, vol. II. Oxford: Willey-Blackwell, 1997.
- Castells M. (1998). *The end of the millennium: The information age: Economy, society and culture*, vol. III. Oxford: Willey-Blackwell.
- Castells M. (2004). *Informationalism, networks, and the network Society: A Theoretical Blueprint / In Castells M. (ed.) The network society: A cross-cultural perspective.* Northampton: Edward Elgar Pub.
- Chen Ta (1947). Occupations. *The American Journal of Sociology*, vol. 52, Supplement: Population in Modern China.
- Commerce Yearbook. *United States Department of Commerce* (1928). U.S. Govt. Print. Off.
- Downs J. (2010). *The Industrial Revolution: Britain, 1770–1810.* Oxford: Shire Publications.
- Dunkerley D. (1975). *Occupations and society.* London-Boston: Routledge & Paul.
- Ess Ch. and Sudweeks F. (eds.) (2001). *Culture, technology, communication: towards an intercultural global village.* New York: State university of New York press.
- Fairbairn I. (1967). More on the labor potential – Some evidence from Western Samoa. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 16, no. 1.
- Fuchs C. (1968). *Internet and society: Social theory in the information age.* New York: Routledge.
- Gilbert D. (2010). *The American class structure in an age of growing inequality.* London: Pine Forge Press.
- Goldthorpe J.H. (1980). *Social mobility and class structure in modern Britain.* Oxford: Clarendon Press.
- Goldthorpe J.H. (2000). Symposium on Class analysis: Rent, class conflict, and class structure: a commentary on Sorensen. *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no. 6.
- Goldthorpe J.H. (2002). Occupational sociology, yes: Class analysis, no: Comment on Grusky and Weeden's research agenda. *Acta Sociologica*, vol. 45, no. 3.
- Goldthorpe J.H. et al. (1969). *The affluent worker in the class structure.* New York: Cambridge University Press.
- Gouldner A. (1978). The new class project II. *Theory and Society*, vol. 6, no. 3.
- Granovetter M. (2005). The Impact of social structure on economic outcomes. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 19, no. 1.

- Handbook of Labor Statistics*. United States Department of Labor, Bureau of Labor Statistics. (1924–1926). U.S. Govt. Print. Off.
- Hansen A.H. (1928). Industrial classes in the United States in 1920. *Journal of the American Statistical Association*, vol. 18.
- Hansen W. (1963). Professional engineers: Salary structure problems *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*, no 2.
- Harnad S. (1991). Post-Gutenberg galaxy: The fourth revolution in the means of production of knowledge. The public-access. *Computer Systems Review*, vol. 2, no. 1.
- Häusermann S. (2010). The politics of welfare state reform in continental Europe: modernization in hard times. New York: Cambridge University Press.
- Hennock E. (2007). The origin of the welfare state in England and Germany, 1850–1914: Social policies compared. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hicks J. and Allen G. (1999). A century of change: Trends in UK statistics since 1900. *Research Paper 99/111*, December 21. Washington: House of Commons Library, Social and General Statistics Section.
- Jenkins H. (2006). *Convergence culture: Where old and new media collide*. New York: New York University Press.
- Johnes M.Z. (1925). Trend of occupation in the population. *Monthly Labor Review*, no. 5.
- Kapas J. and Czegledi P. (2007). What does transition mean? Post-socialist and Western European countries paralleled. *The Journal of Comparative Economic Studies*, vol. 3.
- Kleinknecht A. and Van der Panne G. (2006). Who was right? Kuznets in 1930 or Schumpeter in 1939? / Devezas T.C. (ed) *Kondratieff waves, warfare and world security*. Amsterdam: IOS Press.
- Köhler P. and Zacher H. (eds) (1982). *The evolution of social insurance, 1881–1981: studies of Germany, France, Great Britain, Austria, and Switzerland*. London: F. Pinter; New York: St. Martin's Press on behalf of the Max-Planck-Institut für Ausländisches und Internationales Sozialrecht.
- Krantz L. (2010). *Jobs rated almanac*. New York: St. Martin's press.
- Krug G. (2005). *Communication, technology and cultural change*. – London: Sage.
- Kumar K. (1978). *Prophecy and progress: The sociology of industrial and post-industrial society*. Harmondsworth: Penguin Books.
- Labour pains. (2007). *The Economist*, Mar 6th.
- Larson M. (1977). *The rise of professionalism: A sociological analysis*. Berkeley: University of California Press.
- Leadbeater Ch. (1999). *Living on thin air: The new economy*. Harmondsworth: Viking and Penguin.
- Leadbeater Ch. (2000). *The weightless society: living in the new economy bubble*. New York: Texere.
- Leiulfsrud H., Bison I. and Jensberg H. (2005). *Social class in Europe: European Social Survey 2002/3*. NTNU Samfunnsforskning/NTNU Social Research Ltd.
- Lindert P.H. (1980). English occupations, 1670–1811. *The Journal of Economic History*, vol. 40, no. 4.
- Machlup F. (1962). *The production and distribution of knowledge in the United States*. Princeton: Princeton university press.
- McLuhan M. (1962). *The Gutenberg galaxy: the making of typographic man*. Toronto: University of Toronto press.
- McLuhan M. (2002). *The mechanical bride: Folklore of industrial man*. New York: The Vanguard Press, reissued by Gingko Press.
- Mills C.W. (1951). *White Collar: The American middle class*. N.Y.: Oxford University Press.
- Morgan S. and McKerrow M. (2004). Social class, rent destruction, and the earnings of black and white men, 1982–2000 / In: Kalleberg A.L. et al (eds.) *Inequality: Structures, dynamics and mechanisms*. Essays in honor of Aage B. Sorensen. Oxford: Elsevier Ltd.
- Murphy R. (1990). Proletarianization or bureaucratization: the fall of the professional? / In: *Torsten Dahl R. and Burrage M. (eds.) The formation of professions. Knowledge, state and strategy (Advanced studies in the social sciences)*. London & Newbery Park, CA: SAGE Publications.
- Naisbitt J. (1994). *Global paradox: The bigger the world economy, the more powerful its smallest players*. New York: W. Morrow.
- Occupational Employment*. (2003–04[1]). *Occupational Outlook Quarterly*, Winter, vol. 47, no. 4.
- Occupational Employment*. (2009–10[1]). *Occupational Outlook Quarterly*, Winter.
- OECD. (2000). *Literacy in the information age: Final Report of the International adult literacy survey*. Paris: OECD.
- Oesch D. and Rodriguez M.J. (2011). Upgrading or polarization? Occupational change in Britain, Germany, Spain and Switzerland, 1990–2008. *Socio-Economic Review*, vol. 9, no. 3.

- Ogburn W. and Tibbitts C. (1929). Occupations. *The American Journal of Sociology*, vol. 34, no. 6.
- Perales F. (2010). Occupational feminization, specialized human capital and wages: evidence from the British labour market. *ISER Working Paper Series*, no. 31.
- Perkin H. (1990). *The rise of professional society: England since 1880*. London: Routledge.
- Perry G., Denison E. and Solow R. (1971). Labor force structure, potential output, and productivity. *Brookings Papers on Economic Activity*, no. 3.
- Porat M. (1977). *The information economy*. Washington, DC: US Department of Commerce.
- Poster M. (1990). *The mode of information: Poststructuralism and social context*. Chicago: University of Chicago press.
- Powell W. and Snellman K. (2004). The Knowledge economy. *Annual Review of Sociology*, vol. 30, August.
- Regini M. (2010). The increasing individualization of work and labour. *Socio-Economic Review*, no. 8.
- Reich R. (1999). *The political paradox of inequality*. Cambridge, MA: Harvard University Press. Accessed at: <http://www.hks.harvard.edu/inequality/>. Accessed 20 November 2012.
- Routh G. (1987). *Occupations of the people of Great Britain 1801–1981*. London: Macmillan.
- Saxenian A. (1994). *Regional advantage: Culture and competition in Silicon Valley and Route 128*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Schultz T. (1963). *The economic value of education*. New York.: Columbia University Press.
- Singelmann J. (1978). *From agriculture to services: The transformation of industrial employment*. California: Sage Publications.
- Smaller shares, bigger slices (2007). *The Economist*, April 5th.
- Sorensen A.B. (2000). Toward a sounder basis for class analysis. *The American Journal of Sociology*, vol. 105, no. 6.
- Sorokin P. (1927). *Social Mobility*. New York: Harper & Brothers.
- Soskice D., Estevez-Abe M. and Iversen T. (2001). Social protection and the formation of skills: a reinterpretation of the welfare state / In: Soskice D. and Hall P. (eds.) *Varieties of capitalism: the institutional foundations of comparative advantage*. Oxford: Oxford University Press.
- Standing G. (2011). *The precariat: The new dangerous class*. London–New-York: Bloomsbury Academic. Accessed at: [Summer/Summer99/summer1999.htm](http://www.bloomsbury.com/summer/summer99/summer1999.htm). Accessed on 20 November 2012.
- Tawney A.J. and Tawney R.H. (1934). An occupational census of the seventeenth century. *Economic History Review*, no. 5.
- The Employment Situation: August 2008*. (2008). United States Department of Labor, Bureau of Labor Statics. U.S. Govt. Print. Off., September 5.
- Toffler A. (1990). *Powershift: Knowledge, wealth and violence at the edge of the 21st century*. New York: Bantam Books.
- Touraine A. (1971). *The post-industrial society. Tomorrow's social history: Classes, conflicts and culture in the programmed society*. New York: Random House.
- Unwin G. (1904). *Industrial organization in the sixteenth and seventeenth centuries*. Oxford: Clarendon press.
- Urquhart M. (1984). The employment shift to services: where did it come from? *Monthly Labor Review*, April.
- Urry J. (2000). *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. London: Routledge.
- 1950 Census of Population: Classified Index of Occupations and Industries*. (1950). Washington D.C.: U.S. Bureau of the Census.
- Wallerstein I. (2009). Dynamics of (unresolved) global crisis: Thirty years later. Report on Plenary Session #5, 39th World Congress of the International Institute of Sociology, June 13. Yerevan, Armenia. Accessed on: http://www.inop.ru/files/valer_politeh.pdf. Accessed 20 November 2012. (Rus.ed.: Wallerstein I. (2009). Dinamika (nezavershennogo) globalnogo krizisa: tridsat let spustya. Doklad na Mezhdunarodnoy konferentsii «Vozvrashcheniye politekonomii: k analizu vozmozhnykh parametrov mira». Moscow, Politechnical Museum, September 11–12.
- Webster F. (2006). *The information society*. Abingdon: Taylor & Francis.
- Wellman B. and Haythornthwait C. (eds.) (2002). *The internet in everyday life*. Oxford: Blackwell.
- Woollard M. (1999). The classification of occupations in the 1881 census of England and Wales. Occasional Paper No. 1. Historical Censuses and Social Surveys Research Group. Colchester: University of Essex.
- World economic outlook*. (2007). Spillovers and cycles in the global economy. Washington, DC: International Monetary Fund.
- World economic outlook*. (2009). Crisis and Recovery. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Wyatt I. and Hecker D. (2006). Occupational changes during the 20th century. *Monthly Labor Review*, vol. 129, no. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Профессиональная структура населения России в 1994–2011 гг., % от численности занятых
(репрезентативные выборки RLMS-HSE, ISCO-88 после перекодировки)⁴⁴**

Профессиональные группы ⁴⁵	1994	1995	1996	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Номер волны	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Общее число, N	4,724	4,403	4,073	3,706	3,554	3,699	3,660	3,615	3,730	3,485	4,654	4,608	4,464	4,299	7,712	10,088
0. Военнослужащие	1.2	1.2	1.5	1.1	1.1	0.8	0.7	0.7	0.6	0.5	0.7	0.7	0.6	0.6	0.5	0.5
1. Управленцы и предприниматели	4	5	3.9	4	5.1	6	5.3	4	4.3	4.4	4.1	5	3.6	3.7	3.2	3.1
2. Профессоры	13.6	11.5	12.4	12.6	12	12.4	11.8	12.6	12.9	12.2	12.7	13.5	12.5	13.2	15.3	14.4
3. Полупрофессионалы	13.4	14	14.6	15.4	14.8	14.9	16.5	16.6	16	17.2	17.3	16.2	18.5	18.9	19.2	19.6
4. Офисные работники	6.9	7.6	7.4	8	7.3	7.5	8.1	7.8	6.9	6.7	7.3	7.1	7.3	6.9	6.8	7.8
5. Простые работники в сфере торговли и бытового обслуживания	8.2	9	9.3	9.4	10.3	10.2	9.8	10.7	10.5	10.7	10.5	11.5	11.3	11.9	12.3	11.7
6. Квалифицированные рабочие с/х, рыболовства и лесного хозяйства	0.6	0.4	0.5	0.5	0.7	0.6	0.7	0.5	0.5	0.6	0.5	0.3	0.3	0.3	0.4	0.4
7. Работники ручного физического труда, ремесленники	16.7	16.6	16.1	14.4	15.2	15.3	14.9	14.8	15	14.7	13.9	14.5	13.4	12.7	12.6	12.5
8. Промышленные рабочие, водители	20.9	21	19.3	19.9	19.7	19.3	19	18	19.2	18.4	17.9	16.5	16.9	15.3	15.5	16.1
9. Элементарные занятия (неквалифицированные работники)	14.5	13.7	15	14.7	13.8	13	13.2	14.3	14.1	14.6	15.1	14.7	15.6	16.5	14.2	14.0

⁴⁴ Расчеты выполнены на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья (the Russian Longitudinal Monitoring Survey, RLMS-HSE) за 1994–2010 гг., проведенного Национальным исследовательским университетом Высшая школа экономики и ЗАО «Демоскоп», совместно с Калифорнийским Центром изучения населения, Университет Северной Каролины, под руководством Б.М. Попкина, а также Институтом социологии РАН (Полина Козырева и Михаил Косолапов). RLMS представляет собой серию национальных репрезентативных и панельных опросов, разработанных с целью мониторинга влияния российских реформ 1990-х гг. на здоровье и экономическое благосостояние домохозяйств и индивидов на территории Российской Федерации. Данные были собраны 19 раз, начиная с 1992 года, и 15 раз, начиная с 1994 года (II фаза исследования). См. подробно: <http://www.crc.uic.edu/projects/rlms-hse>.

⁴⁵ Профессиональные группы рассчитаны на базе Международного классификатора занятий (International Standard Classification of Occupations, ISCO-88), который является официальной схемой классификации занятий, принятой МОТ. Как результат, ISCO-88, широко используемый в различных базах данных. RLMS распространяется с уже посчитанными переменными, в которых занятия уже закодированы и укрупнены согласно классификатору занятий ISCO-88, базовые принципы которого были разработаны в Женеве в 1988 году и без адаптации к российским реалиям. В таблице представлен адаптированный вариант ISCO-88, который был проведен Аникиным В.А. (Аникин, 2009).